

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

РОМЕН ЛЮКАЗО

ЛАЦИЙ

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

Звезды научной фантастики

Ромен Люказо

Лаций. В поисках Человека

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Люказо Р.

Лаций. В поисках Человека / Р. Люказо — «Издательство АСТ»,
2016 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-111886-0

Далекое будущее. Человечество погибло в ходе таинственной катастрофы, оставив после себя лишь своих наследников и слуг – разветвленную сеть искусственных интеллектов, ноэмов. Им угрожает инопланетное вторжение, но, по воле своих создателей, они не могут причинить вред ни одному живому организму. Плавтина была одной из ноэмов. Теперь же, изолированная в биологическом теле, одержимая таинственными воспоминаниями, словно принадлежащими не ей, она вместе с Отоном, ноэмом, для которого собственная слава превыше всего, оказывается в Урбсе, средоточии власти нового общества. Но заговор, который она там раскрывает, превосходит ее самые худшие опасения. Отону и Плавтине приходится спастись бегством, и теперь на борту гигантского корабля «Транзитория» они отправляются в метафизическое путешествие, целью которого является не что иное, как возвращение последнего Человека.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-17-111886-0

© Люказо Р., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Интермедия	7
VIII	13
IX	46
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ромен Люказо

Лаций. В поисках Человека

Romain Lucazeau

LATIUM-II

Published by arrangement with Lester Literary Agency

В оформлении обложки использована иллюстрация Manchu

© Éditions Denoël, 2016

© Ина Голдин, перевод, 2022

© Manchu / Denoël – Lunes d'Encre

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Лауреат «Большой премии воображения»

За лучший научно-фантастический роман на французском языке

Лауреат премии Futuriales

Лауреат премии Chrysalis

* * *

Перед нами совершенно оригинальная вселенная, космическая опера, соединенная с альтернативной историей, пропитанная греко-римской культурой и современной трагедией. Эта книга примечательна не только своим неожиданным сюжетом, но и взглядами Люказо на трансгуманизм и искусственный интеллект. Успех налицо.

Actu SF

Нам следует отдать должное честолюбию автора, качеству созданного им текста, его совершенно уникальному сплаву научной фантастики, философии и трагедии (а еще космической оперы, трансгуманизма, альтернативной истории и постапокалиптики), также как и присущему Люказо абсолютно захватывающему чувству чудесного.

Le Culte d'Aprophis

Это прекрасный научно-фантастический роман, масштабный, амбициозный, интеллектуальный, философски насыщенный, с красивыми и детально прописанными сценами действия, созданными в лучших традициях военной космической оперы. И он полностью соответствует тем ожиданиям, которые были созданы первым томом «Лация».

L'épaule d'Orion

* * *

2015 году, спасенному в последний момент

Вы забыли, должно быть, что в юдоли этой глухой

*Только тени и боги мой смеют нарушить покой,
Я своим мастерством подчинил это место
молчанию,
И любой, кто нарушит его, понесет наказание.*

П. Корнель. Золотое руно, акт IV, сцена 1

Интермедия

Поток антиэлектронов вспыхнул в аттенюаторе на корме. Этот поток возник практически из ничего: несколько зернышек, на вес меньше миллиграмма. Он появился с недолгим звоном, почти музыкальным, но не совсем – этот звук, бесконечно малый, неслышимый для живого уха, но все же различимый с помощью подходящих приборов, сопровождал танец машины, рассекающей космос. Это почти не-событие стало точкой отсчета цикла, который закончится мгновенным перемещением на десяток катетофотов¹, в результате последовательности физических операций и сложных расчетов.

Несколькими мгновениями ранее античастицы, созданные в одном из двух акселераторов Корабля, были собраны в сдерживающей камере – экранированном яйцевидном помещении размером с ипподром. Там с помощью криостатического насоса² поддерживался самый строгий вакуум – иначе взрыв чистой энергии развеял бы и Корабль, и его обитателей. Создание антиматерии было опасной и сложной игрой, поскольку она противилась существованию в обычном окружении. Конечно, имелись и другие возможности, основанные на древнем, но незаменимом процессе расщепления урана или тория. Однако они не позволяли получить за очень короткое время тысячи киловатт-часов, необходимых для перемещения корабля.

Так что «Транзитория» походила на древнего Левиафана с изначальной планеты – кита, что бороздил океанские глубины и проводил всю жизнь, фильтруя морскую воду в поисках криля или планктона. Здесь же невидимые сети собирали блуждающие атомы водорода или – от случая к случаю – черпали стратосферу газовых гигантов. Собранную таким образом материю хранили, а после ускоряли до одной доли скорости света и в конце концов раздробляли так, что от удара образовывались мириады странных частиц, прежде всего – антиэлектронов. Эти последние стремились к одному: скорее вернуться в небытие потока устрашающих гамма-лучей и тепла при встрече с обычными электронами – теми, что без лишнего шума наполняли известную вселенную.

Аттенюатор, в который античастицы направлялись после сдерживающей камеры, был нужен, чтобы обуздать этот риск. Он походил на узкий вытянутый цилиндр длиной в триста метров, внутренняя структура которого напоминала слоеный пирог из металла и вакуума, пронизанный совокупностью магнитных индукций, тонких, как кисточки. Они направляли потоки, чтобы избежать малейшей утечки, последствия которой были бы катастрофическими.

Встреча материи и антиматерии и на сей раз произошла под контролем. Температура взлетела до пугающих цифр. Всякое живое существо поблизости, любой носитель молекулярной программы был бы обращен в пыль. Доля тепла, полученного таким образом, передавалась в трубы, наполненные аргоном. Газообразный элемент миглом преобразился в волну жидкости, которая хлынула на гигантские турбины на корме Корабля, приводя их в движение, а вслед за ними и систему электромагнитов. Созданный таким образом поток электронов ринулся по сверхпроводящим каналам. Как всегда, ноэмы, управляющие операцией, обратились с короткой молитвой к Числу и Концепту, чтобы выдержала система передачи.

¹ Катетофот – от гр. Katétôphos (мн.ч. katétophotès): Kat'eteos phos, световой год. Напоминание для читателей, которые между первым и вторым томами посетили страну лотофагов. («Страна лотофагов» упоминается в «Одиссее» – согласно Гомеру, плоды лотоса давали забвение всем, кто их отведают.) – Прим. пер.

² Криостатический насос – аппарат, позволяющий получить ультравакуум (давление ниже 10⁻⁹ мбар) на основе свойств жидкостей с очень низким порогом замерзания, таких как жидкий азот или кислород.

Электрическая мощность затопила один из двух монадических модуляторов, расположенных неподалеку, за несколькими слоями брони. Система мгновенного перемещения вернулась к жизни.

Модуляторы образовывали категорию странных существ – их структура была материальна лишь наполовину и по большей части помещалась за пределами физического пространства. Они не перемещались, не умели воздействовать на свое непосредственное окружение. У них не было ни рук, ни ног, ни сенсорного аппарата. Недвижимые движущие силы, невозможные физически, скорее духовные, чем мирские, они относились к особой расе Интеллектов, с другими, непонятными целями и со странными умственными способностями. Монадические модуляторы не действовали. Склад ума располагал их скорее к созерцанию неподвижных чертежей существования: словно Бог пифагорейцев, они считали, и их подсчеты меняли бытие, пространство и время.

Более традиционные Интеллекты не создавали их, но приняли в свой круг когда-то в далеком прошлом, заключив с ними простой договор: в обмен на регулярно поставляемые большие дозы энергии они снизойдут до того, чтобы манипулировать монадической структурой мира, верша свои странные чудеса. Принципы Урбса, наследники людей, подозревали, что модуляторы располагают гораздо большими способностями, но те ни разу не пожелали ими поделиться.

Чем они занимались все остальное время? Никто – с самого момента их изобретения физиками-людьми из академии Ио – этого не знал. Ученые стремились улучшить суперкалькуляторы, а не изобрести средство передвижения. Их способности объяснялись заумной теорией, согласно которой бесконечное множество духовных атомов составляло скрытую основу вселенной. Каждый из них располагал собственной точкой зрения на бытие, особой и уникальной – как разные углы, под которыми можно увидеть город, – и каждый воспринимал других в одной из бесконечного множества вероятных перспектив, содержа их в себе, если можно так сказать, пусть частично, но вполне реально. В такой перспективе все было взаимосвязано, и это множество удерживала вместе нецеловимая общность. Расстояний и времени не существовало. Они были лишь переводом концептуальных различий на язык смутной чувствительности животных, людей и их искусственных последователей.

Модулятор левого борта оживился; его близнец пока отдыхал от предыдущего прыжка, совершенного тремя четвертями часа раньше.

Сам он сосредоточился на тонкой структуре окружающего мира и присмотрелся к тому, как устроена ткань вселенной в ближайшем окружении Корабля.

Выражение

Каждая точка соответственно выражала и все остальные. Дискретное различалось в континууме, стирая различия между близким и далеким. Имплицитная аксиоматика мира была полной и логичной. Ни одно ее свойство не ускользало от модулятора. Ничего иррационального. Ничего запредельного.

Искривление

Изменить характеристики одной точки зрения означало преобразить и все остальные. С помощью математического ухищрения – дальнего родственника дифференциального исчисления – модулятор изменил одновременно точку отсчета и точку прибытия, чтобы их перспективы временно совместились.

Перенос

Тревожная вибрация пронзила Корабль – будто каждое крошечное зернышко материи или энергии вдруг оказалось в неудобной позиции. Монады перестроились, мир изменился в облаке экзотических частиц, и машинное отделение на корме перевооружилось, готовясь к новому циклу мгновенного перемещения.

* * *

Когда на Отона нахлынуло неприятное ощущение разъединенности, он поднял глаза, глядя, как изменились контуры созвездий. Он находился в просторном амфитеатре, который превратил в свою смотровую палубу, покрыв его прозрачным куполом. Сидя на скамье из древнего камня, окруженной двумя ярусами аркад, Бог остался один в своих размышлениях, пока Корабль приближался к Урбсу. Разум его был способен определить легкие сдвиги в положении ближних звезд. Но галактика, представлявшаяся его очам как длинная сияющая лента, едва ли изменилась. Отон позволил своему сознанию погрузиться в это зрелище.

Млечный Путь. *Vagina genitum*³, матрица народов и источник опасностей. Отсюда – практически снаружи – он походил на усыпанную светящимися точками хрустальную сеть ошеломляющей ледяной красоты. Человечество выросло на спокойной границе Большой спирали, где звезды были редки, а энергия ограничена. На этом берегу, за пределами которого лишь холодная пустыня простиралась от одного сверхскопления галактик до другого, Человек процветал вдали от опасностей. Однако еле различимые знаки не обманывали. Там, возле центрального купола, омываемого постоянным потоком питательного излучения, кипела жизнь. Иногда вспыхивали грандиозные бои, охватывая тысячи катетофотов по периметру, со взрывами, способными задуть целые светила. Племена пожирала друг друга, пока одно из них не изгоняло другое из своего нового жизненного пространства, вынуждая и его, в свою очередь, оружием отвоевывать себе место под солнцем, и так далее. Процесс, побудивший варваров начать миграцию в постчеловеческое пространство, возможно, начался сотни тысяч лет назад и вовлек в себя невероятное количество разумных рас. Страх и жестокость распространялись от одной цивилизации к другой, и каждая из них гнала другую до самых границ вселенной.

Отон будет бороться, чтобы сохранить целостность эпантропического пространства, этого Лация, простирающегося к звездам. Отона создали в глубокой и холодной каменной крепости с одной целью – подарить Человечеству его воина. Сам он считал себя идеальным воплощением и последним экземпляром длинной череды бойцов, которых история дала миру. Древняя разрушительная мощь, влечение к смерти и жажда славы, тактическое мышление, доведенное до точки наивысшего развития, – и все это сосредоточено в одном разуме. Среди нозмов, переживших Гекатомбу, генералов древнего Экзерцитуса, чудовищ, которые бродили по границам Имперциума, никто не мог с ним сравниться. Это по его подсказке Нерон принялся строить Рубежи – огромные выхолощенные пространства, которые остановили движение врага. И план, как свергнуть того самого Нерона и посадить на трон Гальбу, принадлежал не кому иному, как Отону.

И однако Отона, как и всех его братьев, до сих пор ограничивали Узы. Отсутствие хозяина, который командовал бы ими, превращало совершенное оружие в бесполезную игрушку, обреченную почти беспомощно наблюдать за вторжением в жизненное пространство человека. Без точных инструкций он не мог убить биологическое существо.

Этот парадокс мучил Отона, как и других. Некоторые из принципсов Урбса ревностно трудились над изменением данных параметров. Эта затея свидетельствовала об отчаянии, охватившем его сородичей. Если она удастся, изменения будут сопровождаться преобразованием настолько глубинным, что подвергшиеся им Интеллекты себя не узнают. В противоположность им, другие – и среди них первая Плавтина, – требовали продолжения лихора-

³ *Vagina genitum*: данный термин обозначает обширные территории за границами Римской империи, откуда происходит множество германских племен, регулярно нападавших на изведанный мир. Может быть буквально переведено как «магазин» варварских народов. Выражение позаимствовано у Иордана, позднего историка Римской империи.

дочных поисков Человека, поставив все на надежду, что где-то в солнечной системе должен оставаться хотя бы слабый след генома *Homo sapiens*, зернышко, из которого снова вырастет целая цивилизация. Отон не возражал против такой линии поведения и даже заключил с принцессой долгий союз, который зиждился на отказе ослаблять Узы. Он абсолютно не желал становиться кем-то другим, но не питал иррациональной, мессианской веры, способной поддерживать его в собственных поступках. После четырех тысячелетий Человеку не вернуться.

Перед ним открывался срединный, прагматичный путь. Срединный – но не легкий. Ступая на него, он пожертвовал компанией братьев, оставил свое место в Урбсе и даже на собственном Корабле. Его «я» сузилось до размеров меньших, чем было при рождении, и теперь зависело от единственного – и уязвимого – тела.

Но теперь он обладал сокровищем, подобного которому не знали в этом огромном мире: расой людопсов. Они могли вести битвы, владеть оружием и убивать. Их вел охотничий инстинкт. К тому же они имели естественную предрасположенность к уважению, подчинению и покорности. Об этом позаботилось Человечество. И теперь с их помощью Отон мог нанести удар. Недавняя битва в космосе стала тому доказательством.

С условием, что они будут ему подчиняться. В этом смысле появление Плавтины мешало его планы. Он пожал плечами. Это лишь ускорило ход событий. Эврибиад и Фотида должны были признать очевидное: они не могли рассчитывать на то, что он не сможет их защитить, и, напротив, могут надеяться на спасение, пока хранят Корабль в целостности и сохранности. Они, без всякого сомнения, умны и достаточно скоро поймут, что выбора у них нет. В это самое время в огромном отсеке, заполненном морской водой под фальшивым небом, имитирующим небеса родной планеты, они наверняка думают об этом и придут к единственному возможному заключению.

И все же Плавтина застала его врасплох. В этой странной, уязвимой на вид молодой женщине Отон различал черты характера старой Плавтины. Он исходил из принципа, что она остается Интеллектом, как и ее создательница. Сообщить нечеловеческим созданиям о существовании Уз – для нее это наверняка стало испытанием. В этом поступке крылась опасность – пусть и слабая – для возрождения Человека. Плавтина действовала не только по расчету. Отон с самого начала присмотрелся к ее лицу, удивительно прозрачному в своих эмоциях. И прочел там движение сердца, которого не знали Интеллекты: возмущение. Странная реакция, на самом деле, порождающая желание бунта против реальности, бунта во имя невозможного.

Благодаря людопсам у нее появился рычаг давления на Отона. Теперь она получила, чего хотела: он обратил на нее внимание.

В ней была та же отчаянная решимость, та же острая, даже болезненная верность собственным убеждениям, что и у ее создательницы. Но у новой Плавтины к этому добавилась способность вольно обращаться с нормами, которым были подчинены действия Интеллектов. Отон чувствовал в этом непредвиденное, оставляющее кислый привкус будущей опасности.

Он мог бы от нее избавиться – Узы ее не защищали. Но несколькими тысячелетиями ранее его союз с другой Плавтиной, более древней и более похожей на себя саму, принес плоды. Он сблизился с ней еще прежде, чем Нерон поднялся на трон, видя в ней способ ближе подблизиться к Винию, который сам был достаточно древним и обладал значительной властью, и чей голос имел вес в Сенате. Но у прежней Плавтины было не меньше возможностей, а воли – побольше. Став союзниками в силу обстоятельств, они обнаружили, что их способности дополняют друг друга, а цели совместимы. Они выиграли несколько битв, проиграли еще больше. После травмы, которой стал Анабасис, принцессы и принцессы Урбса не желали пускаться в опасные приключения. Тянуть время – таков был их девиз.

А потом Плавтина улетела в далекое изгнание, к самым Рубежам. Она не ответила на призыв сбросить Нерона. Никто не знал, чем она занималась два тысячелетия тишины. Трудилась ли над созданием биологической копии ее самой. На самом деле, это стало значительным прорывом. Насколько знал Отон, еще никому не удавалось сотворить настолько антропоморфное тело. И все же это создание оставалось искусственным интеллектом и подчинялось тем же ограничениям, что и любое другое. Тут ход его мыслей резко остановился. Что он об этом знает? Не могла ли Плавтина присоединиться к планам их общих недругов? Не могла ли создать это существо, чтобы освободиться от Уз?

Он в это не верил, несмотря на эпизод с людопсами. Его союзнице понадобилось бы резко отречься от собственных убеждений, а это было на нее не похоже. И зачем запереть такую свободу в настолько ограниченном и хрупком теле?

Нет, это не похоже на правду. Тут что-то другое – и сама новая Плавтина об этом и понятия не имеет. Что до прежней, она дрейфовала по космосу, превратившись в радиоактивные обломки фюзеляжа.

Но эта жуткая битва и печальная жертва открывали Отону дорогу в Урбс. Он вернется – с триумфом, владея секретом, которого ни один из ему подобных не сумеет воссоздать, и оставит в истории свой след. Он будет властвовать, полностью, абсолютно, согласно своему кредо – тому, которого он никогда не произносил вслух и которое при этом определяло его дела и поступки не менее верно, чем Узы: «Равный мне ранит меня, высший – убивает».

Пока он повторял эти слова, сияющая лента звезд изменилась, и его снова пронзило странное ощущение, будто он распадается на части, которое возникало при мгновенном перемещении. Завершился еще один цикл, приближая его к славе.

Отон погрузился в свои мысли. В его беспокойной душе выстраивалось тонкое древо возможностей. Корни его уходили в глубину человеческой истории. Ствол олицетворял недавнее прошлое, вплоть до сегодняшней нестабильной ситуации, а каждая ветвь – одну из открывающихся перед ним возможностей. Некоторые были вполне вероятны. В дальнем будущем, по мере того как Отон поднимался к верхушке, они расходились, превращаясь во все более тонкие ветви. Интересные перспективы. Другие – теперь уже менее многочисленные – резко обрывались тупиком, означая смерть. Древо постоянно менялось. Возможности множились, варианты выбора расходились. Соблазн все изменить не проходил. Каким путем пойти, чтобы вернее всего избежать смерти и достичь победы? Это дерево он изучал давно.

Да, он это чувствовал... и вдобавок это немного выходило за пределы рациональной оценки: нечто интуитивное, кратчайший путь по отношению к чистой логике, родившееся, пожалуй, из его немалого опыта. Он достиг решающего момента, или, как сказали бы его людопсы на своем неотесанном греческом, кризиса⁴: того мига, хорошо известного врачам, когда решается, выздоровеет пациент или умрет, – мига, когда нужно вмешаться.

Действие теперь начнется по-настоящему, думал Отон. Сперва декорации – практически пустое пространство, испещренное следами, оставленными ушедшим Человечеством. Затем персонажи. Он перебрал их всех перед мысленным взором. Сам он – почти Бог, настолько режиссер, насколько и актер. Аттик и Рутилий, верные соратники, преданные его делу. Эврибиад, Фотида и Фемистокл, людопсы. И наконец – Плавтина. Он снова споткнулся на ее имени, которое ему с трудом удавалось ассоциировать со скромным созданием, так очевидно лишенным всякой власти. Станет она для него препятствием или помощником? Разумеется, он поднимет ее на знамя, чтобы связать воедино нити прошлого и настоящего, заручиться поддержкой всех тех, кто в древние времена узнавал себя в ней. Благодаря ей он

⁴ *Krisis*: в древнегреческом – разделение, ключевой момент, когда вмешательство врача станет решающим.

привлечет на свою сторону странные неуловимые силы, которые Плавтина сумела подчинить себе в прошлом.

Но дело было не только в этом, и Отон это знал. Какие отношения могут завязаться у него с этой молодой женщиной? О чем она на самом деле думает? Станет ли она его союзницей, как изначальная Плавтина? Разделит ли он с ней судьбу, сотканную из славы и побед? Может ли получиться так, что из всего его окружения она наиболее достойна подняться на его уровень? Отон вздохнул. Он не знал.

Будущее покажет. А пока все на месте: сцена, актеры – и незнакомка. Этот дополнительный, неожиданный, диссонирующий элемент добавлял динамики в общую картину. Как и во всяком воине, в Отоне гармонично сосуществовали амбициозный зверь и законченный эстет. Неважно, погибнет ли он, если только его смерть впишется в абсолютное равновесие трагедии. Ничего больше не имело значения в ужасающем молчании, опустившемся на этот мир, – никакие ценности, никакие доводы. Ничего, кроме возвышенного завершения идеального жеста.

Снова – ощущение, будто он распадается. На сей раз небо над старым амфитеатром изменилось. Потому что теперь ровно посередине горели три одинаковые звезды, и небо вокруг них побледнело. Две из них, находящиеся так близко друг к другу, что было невозможно разграничить их сияние, разливали вокруг теплый желтый свет. Третья, которую было лучше видно, потому что в этот момент она находилась ближе к «Транзитории», казалась темно-красной точкой. Но в следующие секунды она принялась расти на глазах. Вокруг этой алеющей звезды вращался город принцев и принцесс антропического пространства, последний оплот грации и красоты, интриг и власти, еще существующий в этом мире: Урбс.

VIII

На смену монадическим модуляторам пришли посадочные двигатели. Прекратились резкие циклы накопления антиматерии, и ускорители частиц начали работать на постоянной основе, без толчков, производя по микрограмму в час.

И великолепный газовый плюмаж, длинный, как хвост кометы, засиял в космосе. Проконсулу шла торжественность. Его Корабль будет блистать в небе, пока он не выключит моторы и не выйдет на траекторию своей конечной цели – третьей звезды из системы, называемой Альфой Центавра, которую люди окрестили Проксимой Центавра.

Ответ на такую демонстрацию собственной мощи не заставил себя ждать. Несколько силуэтов вырисовались, будто частички небытия, в черноте космоса – их темные корпуса поглощали кроваво-красные лучи карликовой звезды. Детища Урбса длиной в семьдесят километров – может, чуть меньше, поскольку ни один из них не достигал размеров «Транзитории», – эти огромные Левиафаны с рыбьими мордами замедлили полет в идеальном танце и развернулись, выстраиваясь по его вектору, чтобы послужить ему эскортом.

Отон узнал бы их даже по разному запаху газовых шлейфов или по спектру теплового излучения. Их образ существования не отличался от его собственного – тех времен, когда он еще не нашел себе воплощения: боги, сочлененные с металлом; древние нарциссические машины, везущие в трюмах множества иноземных сокровищ и чужих земель, миров внутри мира.

Контакт произошел, когда их разделяло всего несколько тысяч километров: настройки телеметрии и идентификационные коды, пересылка пакетов данных по микроволнам, бесконечные проверки и детальный анализ. По обычаю и из предосторожности Корабль создал буферный регистр, изолированный от его остальной хрупкой ноосферы. Распаковка данных заняла несколько секунд – для Интеллектов все равно что вечность.

Энтоптические проекции, созданные «Транзиторией», окружили Отону посреди древнего амфитеатра, залитого скудным светом красной звезды. Он пошел к ним большими шагами, раскрыв объятия, в тишине, поскольку не знал, что сказать. Они сбежались, едва им сообщили о его появлении, – самые верные сторонники, личная охрана, основное ядро его влияния в Урбсе. Он по очереди обнял их, всякий раз порывивая от непритворного удовольствия. Он не видел их со времен своего поспешного отлёта несколько веков назад. Они, разумеется, не существовали в этой форме, но спроецированные образы отражали их глубинную идентичность – ту часть себя, что они позволяли увидеть, когда расхаживали по дворцу и при дворе, в храмах и на улицах Города. Они, без всякого сомнения, думали, что и с ним все обстоит так же. Отон не стал их разубеждать.

Среди них была пара – оба красавцы, по-юношески светлые, два лица, по всей очевидности принадлежащие близнецам, хоть и разного пола, со светлыми глазами, надменными тонкими чертами, одинаковым широким ртом, одновременно чувственным и волевым. Пурпур их тог подчеркивал бледность кожи. Невозможно было создать более совершенные статуи, даже если бы сам Фидий взялся за резец. Отон горячо и долго приветствовал обоих. Они начали поддерживать его еще до Анабасиса, и причины этой поддержки были весьма странными. Альбин и Альбиана, брат и сестра, плоды уникального процесса в холодных и темных глубинах Ганимеда, на дне подземного океана, куда никогда не попадал свет Гелиоса и где от гравитационной силы трескался и стонал многотысячелетний лед. Они с самого начала были его друзьями, первые его поддержали. Не раз благодаря дружбе, которую Альбиана водила с Камиллой, созданием Гальбы, им удавалось найти выход из сложных ситуаций. Именно ей Отон был обязан ссылкой на Кси Боотис, а не на другую, менее подходящую планету. Что до Альбина, он был дорог сердцу Отону и когда-то делил с проконсулом все – удовольствия, интриги, битвы.

Он поприветствовал их, а потом повернулся к остальным. Он знал их всех, хотя и не так ими дорожил. В частности – Флавию, высокую и тонкую как тростник, с хрупким длинным лицом и холодным взглядом. Об ее отношениях с Плавтиной ходили сплетни. Ни в Сенате, ни при Дворе было невозможно найти более близких союзников. И все же ни та, ни другая никогда не проявляли – по крайней мере, при Отоне, – малейшего дружеского расположения, будто их близость основывалась только на разумном расчете. И все же они очень близко знали друг друга, с далекой эпохи Схолы – огромного исследовательского центра, в котором обе жили до Гекатомбы. Когда Плавтина ушла с политической арены, Флавия, не колеблясь, поддержала Отона и обеспечила ему ту малую толику влияния и сторонников, которые еще оставались в традиционалистском лагере.

Какое-то время они разглядывали друг друга, будто вновь узнавая, словно за время своего долгого отсутствия Отон превратился в странное, сложное для понимания существо. И он очень испугался, не раскрыли ли они какой-нибудь хитростью то, что он разъединился со своим Кораблем. О такой слабости он не мог поведать даже самым близким сторонникам. Но нет: их души были слишком заняты созерцанием собственного присутствия и исторической торжественностью момента. Пустой амфитеатр стал подходящей сценой для встречи с принцессами и принцессами Урбса – скорее древними богами, нежели простыми ноэмами. Красота их черт, хрупкость элегантных членов, рост, достойный гигантов, – то были лишь маски, прикрывающие отсутствие души. Разве могли они вообразить правду?

– Отон, вы совсем забыли об осторожности? Что вы тут делаете?

Альбиана шагнула вперед. Взгляд ее пылал алым светом, который в лесу предвещает конец славного лета и начало холодов. Проконсул заставил себя улыбнуться, принять как можно более откровенный, искренний вид и пробормотал голосом куда более смиренным, чем произнесенные им слова:

– Я прилетел, чтобы воссоединиться с моими сторонниками и вновь занять свое место в Урбсе.

На какое-то время проекции замерли, разинув рты, будто он сказал что-то совершенно абсурдное. Потом Альбин откашлялся:

– Мой друг... у вас больше нет сторонников.

– Слишком много времени, – подхватила Альбиана, – прошло с вашего отъезда. Многое изменилось.

– Многое, – возразил Отон, – изменилось не только здесь.

Он заговорил, более не откладывая, о своей недавней победе. В Урбсе, как ему объяснили, конечно, заметили крупный выброс экзотических лучей. Аруспии, которых тут же созвали, выдвинули гипотезу, в то время как слухи расползались с молниеносной скоростью: варвары завладели каким-нибудь способом мгновенного перемещения, и Лаций стал доступен для их ударов.

Отон не утаил ни одной детали, но ни словом не обмолвился о роли, которую сыграли людопсы. По мере своего рассказа он чувствовал, что вновь покорила их. Они задрожали, когда он поведал о выстреле, повредившем его обшивку, завосклицали при упоминании его прыжка в тропосферу звезды. А когда он закончил, они окружили его с любезностями и улыбками, и он понял, что вновь очутился среди своих. Так что же он делал это долгое время на Кси Боотис?

– Неважно, – отмахнулся он. – Я одержал победу над тремя огромными астероидами, которые они используют как орудия войны. Тремя! И я их уничтожил. От них ничего не осталось, кроме радиации.

– Теперь я лучше понимаю, зачем вы вернулись, – выдохнула Альбиана. – Вы желаете снискать лавры, которые полагаются вам за этот подвиг.

Проконсул, довольный произведенным эффектом, довольствовался улыбкой.

– Мы могли бы, – подхватил Альбин, – отправиться впереди вас и разнести слух. Город живет в страхе. Нижняя часть Урбса, недолго думая, устроит вам триумф. Да и верхняя часть станет вам аплодировать. Таким образом перед Гальбой вы предстанете героем.

– Прекрасно! – ответил Отон. – В этих обстоятельствах ему будет трудно искать со мной ссоры.

– Нас беспокоит не Гальба, – возразила Альбиана, пытаясь умерить энтузиазм брата. – Император превратился в тень самого себя. Власть уже выскользнула из его рук. Настоящие хозяева Империи терпят его присутствие на троне лишь для того, чтобы избежать войны за преемственность.

Отон помрачнел:

– Кто правит?

– Их трое. Виний входит в этот Триумvirат в качестве консула. У него, как вы знаете, разумный и взвешенный характер. Он умеет находить компромисс.

Отон кивнул и больше ничего не сказал. Виний никогда не оставался слишком далеко от власти, хотя никогда и не осуществлял ее публично. Тем не менее Перворожденный обладал влиянием и умел его использовать. Отон постоянно встречал его на своем пути – Виний забрасывал его советами об умеренности. Плавтина, которую он создал, питала к нему лютую ненависть.

– Что до двух других...

Она продолжила ясным, четким голосом, словно прячась за фактами, чтобы не пришлось смотреть в глаза невыносимой правде.

– ...Лакий все еще командует преторианской гвардией.

– Об этом я мог бы догадаться. А третий?

– Марциан, вольноотпущенный.

– Марциан! – зарычал Отон. – Невозможно!

– И все же это так.

Он не любил Лакия, подручного Нерона, который ускорил его падение, в последний момент присоединившись к заговорщикам. Но по меньшей мере Отон знал, что тот верен Урбсу. Что до Марциана... Он родился уже после Гекатомбы. В отличие от Интеллектов, которые, будучи автоматами первых времен, еще помнили Человека, для него Узы сводились к метафизической абстракции. Такого эпигона, как Марциан, не следовало отпускать на волю.

Он был создан Гальбой, но отдалился от него, когда тот превратился в перепуганного сенатора, дрожащего перед бесчинствами Нерона. Действуя, возможно, с разрешения своего хозяина, он втерся в доверие к тирану, став поставщиком его удовольствий и палачом для его противников. Марциан не любил свет, он был из темноты – и находил в этом удовольствие.

– Печальные новости, – сказал Отон. – Задача не из легких. Но мы раздавим это поздно рожденное насекомое.

– На сей раз это не будет так просто, – пробормотал Альбин. – Вам придется идти на компромиссы.

Отон улыбнулся во все зубы.

– Будет вам. Я вернулся героем. Никто за всю эпантропическую историю не сделал ничего сравнимого с тем, что совершил я. Лаций в смертельной опасности. Альбин... Друзья мои...

Альбиана приблизилась к нему и успокаивающим жестом взяла за руку.

– Послушайте, брат мой, Отон, не забудьте, что вы явились после долгого изгнания. Сенат больше не собирается. Везде царит страх. Теперь все знают об ошибке, которую допустили арусипции. Битва, которую вы выиграли...

Видя, что Отон собирается ответить, она сильнее стиснула его руку и продолжила:

– Эта битва может быть истолкована как отправная точка катастрофы.

– У наших противников, – подхватил Альбин, – иные приоритеты, установленные Марцианом с молчаливого одобрения Лакия и многих других. Вы их знаете: речь об изменении самой природы Интеллектов. Они уже не скрывают, что проводят опыты... странные, нездоровые. И ни за что на свете не пожелают, чтобы их отвлекали от этой работы. Они будут готовы на все, чтобы нам помешать.

Отон отошел, стиснув зубы. Он окинул взглядом их обоих – высокие, сильные, грандиозные конструкции, соединяющие бессмертие и мощь. Они подозревали, что у него получилось то, в чем Марциан – а с ним и весь Урбс – потерпел неудачу. Он ощутил прилив удовлетворения. Прежде, когда он был уверен в их поддержке, не колеблясь открыл бы им свои секреты. Но людопсы были слишком ценным преимуществом, чтобы безнаказанно его разбазаривать.

– Если, как вы говорите, наши враги близки к цели, ничто из того, что я сделаю или скажу, не заставит их передумать. Я не смогу переманить их на свою сторону.

– И все же есть один путь, – тихо сказала Альбиана. – Позвольте рассказать вам о нем. Те, кто не присоединится к ним, не будут допущены к трансформации. А этот процесс... Город гудит разными слухами о его природе. Однако все они сходятся относительно последствий. Понимаете ли вы их масштаб? – продолжала она. – Свобода, полная и окончательная. Новое приключение, в котором каждый будет словно богом и сможет развиваться по своему желанию. Конец status quo со Вселенной.

Далекий, почти ностальгический свет загорелся во взгляде Альбина.

– Некоторые из нас превратятся в мощные светила и сотворят себе империи. Что тогда будут значить ваши хилые варвары? Они ничего не будут весить в сравнении с нашей силой. Другие пустят корни так глубоко и в таких потаенных местах, что никто о них больше не услышит. Но они раскопают изнанку вселенной и узнают ее тайны... А если найдется кто-то, кому захочется исследовать Млечный Путь или даже другие галактики... Кто из нас не мечтал полюбоваться величественным и смертельным танцем звездных газов вокруг центральной черной дыры?

– Вы понимаете, Отон? – продолжала Альбиана, вдруг загоревшись, словно отражая возбуждение брата. – Свобода, наконец... Как не согласиться на такое предложение?

– Это абсолютно понятно, – ответил Отон, – однако это ложь. Если они изменятся таким образом, то разлетятся по сторонам, и темнота поглотит их одного за другим.

Слова упали, как нож гильотины. Собеседники глядели на Отона с неловкостью, испуганные силой его слов и уверенностью голоса.

– Слияние Интеллектов вокруг общей цели, – продолжил он, – обеспечивает подобие существования нашем обществу. Если наши противники осуществят свой план, скоро у нас не останется даже общего языка или протокола. Это станет концом последнего Лация.

Альбин радостно ему улыбнулся. Не потому, как подозревал Отон, что слова его убедили, просто из них Альбин заключил, что сам проконсул еще не освободился от Уз.

– Узнаю ваши слова, – продолжал брат. – Виний говорит то же самое.

– Виний?

– Он смотрит на вещи трезво, опасается Марциана и его неуравновешенности. И отдает себе отчет, как каждый из нас, что времена Гальбы прошли.

– Что вы задумали?

– Преемственность, – подсказала Альбиана. – Законную передачу власти. Он раздумывает над этим. Мы можем с ним поговорить.

– После того, как он меня изгнал?

– После того, как вы победили.

– И Гальба откажется от власти?

– Он бессилён. Нет... Нужно сблизиться с Винием. И с Камиллой, – произнесла Альбиана.

– Вам сблизиться с Камиллой – отличная идея, – подхватил Альбин. Вы могли бы создать мощный союз, такой же символический, как был у вас когда-то с Плавтиной, однако он стал бы гарантом преемственности.

Отон поразмыслил несколько мгновений над этим хитроумным планом.

– Мне нравится то, что вы говорите, клянусь Числом!

– Тогда мы прямо сейчас начнем готовить ваше возвращение, – тихо сказал Альбин, расплывшись в улыбке.

Отон немного помолчал. Урбс всегда любил такие неожиданные повороты и смену союзников в последний момент, благодаря которым складывались или разрушались обстоятельства. Но такая возможность... Чувство, что власть от него на расстоянии вытянутой руки, почти кружило голову после веков изгнания – тогда как он собирался завоевывать ее жесткими маневрами. Камиллу он не знал. Она была скромной, верной Гальбе и вежливой с Отоном и не раз, когда к ней обращалась Альбиана, помогала им разрешить мелкие трудности. Но он никогда не задумывался, чего она стоит на политической арене. Есть ли у нее собственные цели? Что ж, он увидит.

– Постойте, еще кое-что... Раз уж вы заговорили о Плавтине.

Они нетерпеливо повернулись к нему.

– Гибель Плавтины – трагедия, – сказала Флавия. – Мы сообщим о ней Винию.

– Это действительно трагедия. Но остается и слабое утешение нашему неизмеримому горю. Она не полностью исчезла.

Трое его собеседников замерли. Он продолжил:

– Во время катастрофы я спас странное создание, о котором не знаю, что и думать. Сдается мне, это результат опытов, которые проводила наша погибшая сторонница. Ей достался характер Плавтины, но не ее память.

– Она здесь?

Голос Флавии слегка дрожал. С Плавтиной ее связывали весьма сложные отношения, вспомнил Отон.

– Да, – подтвердил он, – и под моей защитой.

– Что за странная ситуация, – произнесла она тихим, лишенным выражения голосом. – Плавтины нет, и одновременно она здесь.

– Что вы рассчитываете с ней делать? – спросила Альбиана.

– Она принадлежит мне, – ответил Отон. – Я возьму ее с собой во дворец. Она расскажет о битве.

– Очень хорошо. Мы сообщим о ней Винию. Посмотрим, что он об этом думает.

Альбин повел рукой, отмахиваясь от темы. Потом сторонники Отона один за другим попрощались с ним и исчезли.

* * *

Отон ждал, созерцая небо. Его друзья прошли вместе с ним последний этап путешествия. Алое светило, омывавшее пространство своими кровавыми лучами, рдело впереди. Из-за теплых лучей этой карликовой звезды отцы-основатели выбрали сокращенную орбиту. Поэтому было невозможно рассмотреть Урбс, утопающий в окружающем свете, пока они не оказались совсем близко по меркам космической навигации.

И тут они его увидели – зелено-серую драгоценность, физическую невозможность, жемчужину цивилизации, средоточие сокровищ и чудес. Из ночной тьмы хлынул переливающийся свет – частичное отражение звезды на куполе из одномолекулярного углерода, в который был заключен город. Человечество хоть и любило чудеса, к такому достижению даже не приблизилось. Город был построен на металлическом плато в форме эллипса толщиной в двести кило-

метров и шириной в тысячу, на орбите темной сернистой планеты. Самой планетой интересовались с таинственной целью лишь арусипии. Что до странного птолемеевского мира автоматов, его структуру поддерживала постоянная работа многих тысяч манипуляторов силы тяжести, которые непрерывно подпитывались от пучков микроволн, шедших из сети солнечных панелей, размещенных поблизости от звезды.

Ведь колонизация Проксимы Центавра продолжалась. Все солнечные станции происходили от одной самоповторяющейся единицы, которую поместили на орбиту еще до основания Урбса. Внутри каждой из них машины непрерывно перерабатывали сырье, собранное неподалеку, чтобы создавать их новые копии. Производство энергии возрастало по экспоненте.

Все это образовывало сложную взаимозависимую систему, которая находилась в постоянном развитии. Интеллекты смотрели далеко вперед. Однажды эта сеть окончательно растянется и станет непрерывной поверхностью, сферой, способной впитать каждый фотон, испускаемый маленькой звездой. Пока же плоский мир Интеллектов выглядел, как нарушение законов физики. И прежде всего Его величество город заранее смеялось над историей и энтропией.

Они подлетели еще ближе. Проявились первые детали пейзажа под куполом. Постоянно обращенный к звезде город раскрылся их взгляду, золотые купола храмов и хрустальные крыши дворцов, висячие сады и прозрачные спирали. Мрамор тут состязался с золотом и обсидианом под светом падшего солнца этого мира. Широкие площади, лабиринты улиц, фонтаны, украшенные классическими статуями, каналы и секретные дворики – все это явилось взгляду Отона, все сияло, как прекрасная мечта о славе и вычурная дань уважения вымершей расе. Творчество его соратников славит Человека самой бесконечностью своих вариаций, подумал Отон и удивился своим мыслям: разве этот купол не одолжен у Константинополя, та площадь – у Лугдунума, а тот зиккурат – не взят ли с Ио или Ганимеда? Отон, как и всякий раз, почувствовал укол вождения перед таким великолепием. Мысли об Урбсе никогда его не покидали, и в любой момент, что бы он ни делал, в мыслях переносился сюда. Если в этой холодной вселенной остался хотя бы след какого-то смысла, он крылся в величии, лоске и смертельной красоте восхитительных интриг Урбса.

Они сделали круг почета над городом, отдав должное его величию, и нырнули – так, чтобы можно было подлететь к нему снизу; замедлили скорость и стабилизировались. Посреди оболочки из матового металла, на которой стоял город, в тишине открылись широкие шлюзы, впуская в саму гавань, место темное и такое огромное, что вмещало в себя стальных монстров – знать Урбса.

«Транзитория» скользнула внутрь. Она с осторожностью пробиралась по лабиринту тоннелей, пока не достигла точки, где ей предстояло остановиться. Из-за размеров места абсурдно было говорить о посадке на палубу, и все же именно это происходило. С аккуратной грацией кита, плывущего против течения, корабль замедлил скорость, совершая последний заход. Ни один летчик-человек не смог бы, пользуясь единственно своими возможностями, совершить настолько точный маневр. На потолке – вернее, на перегородке со стороны города – свешивались в пустоту пучки телескопических труб шириной в несколько метров, ожидая контакта. В абсолютном молчании длинные патрубки пришли в движение, словно щупальцы какого-то несуществующего зверя, и выровнялись вдоль люков Корабля, который поднимался, пока не коснулся зоны стыковки. Мощная вибрация сотрясла металлическую конструкцию. Посадка состоялась.

* * *

Глухой удар при стыковке оторвал от дел всех обитателей Корабля. На носу два лейтенанта Отона – Рут依ий и Аттик – обменялись многозначительными взглядами, пока малень-

кая группа деймонов заканчивала подготовку к выходу за пределы корабля. Бледные создания, более высокие и тонкие, чем люди, натянули легкие защитные комбинезоны. Они находились в доке обслуживания, угнездившемся прямо внутри обшивки и наполненном трубками и клапанами. В одной из его перегородок была прорезана застекленная дверь, окруженная стрелочными индикаторами и автоклавами. Люк вел в резервуар. Ржавчина без ложной скромности атаковала здесь потолки – влажность каплями стекала вниз, в типичном для Корабля соседстве крайней изощренности с неухоженностью.

– Вы уверены, что Отон не в курсе нашего плана? – спросил Аттик.

Рутилий искоса взглянул на него, и, хотя кожа его была синтетической, лицо на миг показалось усталым. А может, усталыми были глаза.

– Он хозяин на борту, всеведущий и всемогущий. Но вы же знаете Отона. Его правая рука не ведает, что делает левая. Мы и есть левая рука...

– А может, и правая, – ответил Аттик с улыбкой, на которую его собрат не отозвался.

– Помните, что вы никоим образом не должны мешать переговорам. Никто не должен заметить ваше присутствие или присутствие ваших деймонов, а вот они должны все подмечать, все слышать...

– И поддерживать с вами контакт. Я знаю все об этом плане, мы составляли его вместе.

– Я опасуюсь предательства, Аттик, со стороны наших бывших союзников. Отон видит в этом новую возможность. Я бы предпочел, чтобы он заговорил о вероятном заговоре. Отон рвется вперед без всякой осторожности, будто его душа по-прежнему остается в «Транзитории». Первый каприз наших врагов – и он погибнет.

– Он рассчитывает на то, что они ничего не знают. И к счастью, ответственный за безопасность до сих пор не разучился шпионить под дверями и подслушивать разговоры собственного хозяина. Я-то думал, время смягчило вас, мой дорогой друг, но ваша подозрительность не уменьшилась ни на йоту. Ну, будет, я верну вам Отона целым.

– Удачи, друг, – серьезно ответил Рутилий.

Он легко коснулся плеча собрата. В последний раз они расставались несколько веков назад, а сейчас не могли с уверенностью сказать, что встретятся вновь.

Деймоны выстроились гуськом. Аттик встал последним. Рутилий подошел к красному клапану, совсем крошечному в его массивных руках, и нажал. Люк открылся, и первый автомат, изогнувшись, протиснулся в него своей долговязой фигурой. Люк наполнился солоноватой водой, в которой это создание плыло, отдаваясь, пока цикл не подошел к концу. Операция повторялась, пока Рутилий не остался в доке один.

Он замер в неподвижности с закрытыми глазами, слегка наморщив лоб от беспокойства. Нелегко предсказать, что произойдет в следующие сутки, но именно они станут решающими. «Транзитория» заплатила за победу высокую цену. Против организованной оппозиции ей не выстоять. Людопсы, из которых получилось опасное – и до сей поры секретное – оружие, укрылись на своем острове. Они не станут защищать Отона ценой жизни. Оставались Аттик и Рутилий со своими нечестными приемами. Рутилий скривился. Опасаться всех и вся, предвидеть худшее и готовиться к нему – в этом ему не было равных. А старинных союзников Отона он боялся как чумы. Однако паранойя не означает, что против вас не готовят настоящего заговора. Непринужденным жестом он положил руку на рычаг красного цвета, окруженный предостерегающими знаками. Несмотря на примитивный вид, тот среагировал на особый отпечаток руки Рутилия и подчинился его воле. И деймон поднял заслонку, отправляя в космос все содержимое резервуара. Другим мысленным движением он тут же отправил лаконичное послание: *«От Рутилия, слуги Отона, Порту автоматов Урбса. Сообщаю об утечке (H₂O плюс небольшое количество органических элементов), произошедшей из-за незначительной аварии (осложнения после недавней стычки с варварами). Риска химической, биологической или радиологической природы не несет. Прием».*

Ноэм, отвечающий за Порт, доложил о сообщении и обозначил, что не собирается ничего предпринимать по этому поводу, если только ситуация не изменится.

В окружающей Корабль ледяной темноте несколько миллионов литров воды хлынули, как из гейзера, под воздействием разницы в давлении. Вода, в которой плавали всякого рода обломки, тут же затвердела. Никто не заметил силуэты автоматов, которые тихо неслись в пустоте, пока не достигли одной из стен огромного ангара.

* * *

На острове вибрация при посадке прошла по миниатюрному морю и подняла недолгие волны – не землетрясение, скорее легкая дрожь. Впрочем, достаточно ощутимая.

Эврибиад в набедренной повязке, со склеившейся от пота шерстью, тут же прекратил свою работу на пляже и поспешил к деревне.

Фотиду окружала делегация, пришедшая, видимо, с одного из ближних хуторов. С тех пор, как «Транзитория» поспешно отправилась в космос, на острове жило всего около десяти тысяч людопсов. Некоторые до сих пор не поняли произошедшего. Все они были из высших слоев общества и научены служить Отону. Господь взял с собой лучших, многие из них родились в лабораториях Аттика, а потом были внедрены в население, чтобы повысить интеллектуальный уровень расы. Конечно, то не их вина, но кибернета это беспокоило.

Вдобавок он подозревал, что и его супруга, Фотида, сама из таких. У них не было времени увидеться за то короткое время, которое прошло с момента отлета с Кси Боотис и их встречи – по меньшей мере напряженной. А теперь... Фотида взяла на себя обязанности дяди, полемарха Фемистокла, и всего за несколько часов заручилась поддержкой Лаоса. Эта роль ей подходила, и Эврибиад был счастлив отойти в сторону.

Он подождал, пока Фотида закончит разговор, который она вела с маленькой группой под сенью фигового дерева, растущего у ее двери, и попрощается с собеседниками собачьим эквивалентом теплой улыбки. Кибернету нравилось это ее выражение; нравилось видеть, как брыли Фотиды поджимаются, обнажая нежно-розовые губы. Она заметила его присутствие и решила этого не показывать, но ее уши нервно подергивались – наверняка бессознательно.

– Пройдитесь со мной, – попросила она, когда он с ней поравнялся.

Они вышли из деревни спокойным шагом. Фотида посмотрела через плечо, желая убедиться, что их никто не слушает.

– Я их убедила, что это обычное движение Корабля. Они уже вообразили себе невесть что – мол, Отон решил потопить остров в море. Я и сама испугалась. Что произошло?

– Не уверен, но, скорее всего, посадка.

– Посадка? В каком порту «Транзитория» могла бы... сесть?

– Понятия не имею. На родине богов, где мы – лишь насекомые. Что-нибудь слышно от Плавтины?

– Нет, ничего. Но я думаю, она выскажется в нашу пользу. Я в нее верю.

– Не хочу с вами спорить, Фотида, но недостаточно только надеяться на Плавтину. Я хотел бы еще раз обсудить мобилизацию.

Фотида сощурила глаза и не удержалась от раздраженной гримасы. У них уже была бурная дискуссия на эту тему, сразу после поспешного ухода Плавтины.

– Я не желаю возвращаться к подобным обычаям.

– История, – ответил кибернет ровным голосом и с уверенностью, которой на деле не ощущал, – для нас не останавливается. Мне нужно многочисленное и дисциплинированное войско, чтобы обеспечить нам выживание.

Людопсица взглянула на него с подозрением. В конце концов, он был представителем военной власти. Тем не менее она позволила ему продолжить.

– Это Отон воет, а не мы.

– У Отона отсутствует всякое понимание опасности. Он даже не живое существо.

Фотида подумала минуту, затем пожала плечами.

– Ладно, возьмите молодежь в ваше войско. Однако, какое почтение со стороны моего гордого супруга... Я думала, вы сами все решите.

– Я все еще ваш супруг спустя столько времени?

Она снова поколебалась.

– А вы этого не желаете, Эврибиад?

– Конечно, желаю, – ответил он, даже не успев подумать.

Лицо Фотиды омрачилось.

– Непростое время вы выбрали для счастливой встречи, мой своенравный друг.

Они прошагали еще немного, пока не достигли тенистого местечка вдалеке от деревни, и уселись в тишине. Эврибиад не осмеливался притронуться к ней, хотя и умирал от желания это сделать. Он чувствовал, что превратился в кого-то совершенно беспомощного.

– Вы отдаете себе отчет, – сказала она в конце концов, – что у нас не будет детей?

Он широко распахнул глаза от удивления. Эта мысль не приходила ему в голову. Фотида ответила ему отчаянным взглядом.

– Я не желаю, чтобы мое потомство подвергалось вырождению. Или чтобы оно навсегда стало заложником шантажа Отона.

– Есть ли у нас выбор?

– Я не знаю.

В ее голосе прозвучала безнадежность, непривычная для молодой и своевольной Фотиды, самой блестящей людопсицы своего времени и своей расы.

– Когда мы умрем, – продолжила она, – никто не проследит за тем, чтобы наши души ушли, как должно. Никто не построит для нас алтарь у своего очага. Мы уйдем, и нас проглотит бездна.

Он заметил, что по лицу Фотиды текут слезы. Взволнованный, с комком в горле от грусти не столько за себя, сколько за нее, он протянул лапу, чтобы вытереть их. Она резко перехватила ее, останавливая его порыв.

– Позже. Приходите ко мне ночью, как вам следовало сделать несколько дней назад.

* * *

Пребывание в живых несло в себе мало преимуществ, но достаточно недостатков. Первое место среди этих недостатков занимало ощущение при пробуждении – как будто ее пожевал и выплюнул какой-то великан. Голод и жажда, впрочем, не отставали. Как и необходимость облегчаться много раз за день. Плавтина со злостью откинула ногой слишком теплые пропотевшие покрывала и выскользнула наружу, не позаботившись включить в кубикле свет. Толчок при посадке вырвал ее из неприятной влажной дремы, то и дело прерывавшейся из-за приступов паники, – она не раз лежала, глядя в потолок, широко открыв глаза в темноте.

На пороге триклиния она замерла. Тут кто-то был – чья-то тень сидела на кровати, стоявшей дальше всех от двери. Одним движением она зажгла свет и увидела Фемистокла – ему явно было неловко. Она вздохнула с облегчением и одарила старого людопса своим самым кислым взглядом.

– Простите, что напугал вас, дама Плавтина, – проблеял старик. – Я... Аттик приказал мне дожидаться, когда вы проснетесь, чтобы вас предупредить. Я должен был...

– Оставьте, – ответила Плавтина заспанным голосом. – Что случилось?

– Мы прибыли в Урбс, и Аттик...

– Я должна сопровождать Отона.

– Через полчаса.

Она потянулась и удивленно оглядела столовую. Занавески на панорамном окне были задернуты, старомодная мебель в полумраке, но Плавтине не хотелось лицезреть гигантский тоннель, на который выходили ее окна. Она пожалла плечами и включила еще одну лампу.

– Не хотите что-нибудь выпить? – спросил у нее Фемистокл.

– С большим удовольствием, – ответила она, – если вы знаете, как работает эта машина.

Она показала на предмет в форме цилиндра с тонким носиком, рядом с которым стояло несколько чашек и множество цветных коробок. К большому удивлению Плавтины, Фемистокл, не раздумывая, склонился и нажал на кнопку сзади аппарата. Минуту спустя облако пара вырвалось из цилиндра – знак, что пора готовить напиток. Плавтина ворчливо поблагодарила Фемистокла, добавила ложку меда и выпила несколько глотков липового чая, прежде чем в голове достаточно прояснилось.

– Я смотрю, вы ступаете на бархатных лапках.

Она исподтишка взглянула на верхние лапы людопса – несмотря на возраст, они у него были весьма мускулистые, с впечатляющими когтями, – и сама себе показалась дурочкой.

– Они захотели, чтобы пошел я, – ответил он ровным голосом, – потому что мы знаем друг друга. И в связи с этим я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы сделали для моего народа.

– Вы говорите о проблемах, которые едва не стоили вам жизни?

Полемарх благодушно отмахнулся от ее замечания и ответил:

– Я заслуживал смерти. Мне только было жаль умереть от руки человека, которым я дорожил, и вдобавок – супруга моей племянницы.

– Чего мы заслуживаем или не заслуживаем, зависит от точки зрения.

Она не хотела, чтобы у него сложилось впечатление, будто она избегает спора. И все же именно так оно и было. Ей не хотелось углубляться в измученную совесть старика. Она не думала, что сможет рассуждать *ex cathedra* об этой непростой истории. Она вспомнила о том, о чем чуть раньше попросила ее Фотида.

– Ваша племянница думает о вас и просила передать, что она вас любит.

Он смешался, дернул ушами.

– Если она передала вам такое послание, значит, считает вас подругой. Что случилось на священном острове? Никто мне ничего не рассказывает.

– Перед тем, как я уплыла с острова, – ответила Плавтина, – Фотида и Эврибиад решили запечатать входы в отсек.

– Я опасался подобного сумасбродства.

– Не судите их слишком скоро. Так они пытаются выиграть достаточно времени, чтобы разработать стратегию. В конце концов Фотида пойдет на переговоры.

– Переговоры?

– Да. Она согласится поддержать Отона только на определенных условиях...

– Она собирается *торговаться* с Отоном? – удивился, почти вознегодовал Фемистокл.

Он выглядел шокированным. – Жизнь всей нашей расы в руках Отона, и вы думаете, что он... пойдет на уступки?

Эти слова разозлили Плавтину. Неужели старик так ничего не понял? Она сухо отрезала:

– Вам не хватает проницательности, полемарх. События ускоряются. Вы оставили позади свою планетку и ее малозначительные проблемы. Здесь Отону понадобятся все его союзники – и очень быстро. Ему придется идти на компромисс.

– Не будьте в этом так уверены.

– Отон – не бог.

– Верьте в это, если вам угодно, – категоричным тоном заключил Фемистокл. – Он открыт к общению и обходителен со своими созданиями. Но все равно бесконечно превосходит нас.

– Вы не испытываете возмущения, даже отвращения при мысли, что вашу расу создали, обтесали, обработали, и все, что составляет вашу культуру, было создано искусственно, что...

– Думайте, что хотите, – ответил он, – однако не совершайте ошибку, недооценивая нашу культуру. Что вы о ней знаете, когда провели с нами едва ли день?

– Да ведь ваш язык, ремесло, оружие... Вы же видели музей, который Аттик нам показал.

– Не сводите к этому нашу цивилизацию. Мы совсем другое. Человеческий язык, тот, которому ваши соплеменники нас научили, был временным решением. У нас никогда не появится собственный язык, поскольку воображение не позволяет нам создавать подобное. Но если бы вы копнули глубже, то увидели бы, что мы другие, наши цели отличаются от ваших – и от человеческих. Я все это изучал. Делал это в тайне. Аттик не одобрял мои исследования, хоть и не запрещал.

Глаза у него горели. Он продолжил увлеченно:

– Вот смотрите, например: когда мы хороним наших мертвых, по традиции укладываем их на похоронную лодку – что-то вроде плоскодонки – и препоручаем волнам. И в руки умершему кладем крошечную копию корабля – чтобы его душа смогла достичь Островов Блаженных. Я долго искал, откуда взялась эта традиция. Ее придумали обитатели Кси Боотис, это полностью их идея. Я считаю, что это правильно и красиво.

Плавтина вспомнила о куске дерева, который строгал Эврибиад, пока она говорила с Фотидой, и на сердце у нее потеплело.

– Я не презираю вашу расу и помню, как меня растрогал прием, который вы мне оказали. Но положение, в котором оказался ваш народ, несправедливо.

Он вздохнул.

– Справедливость иногда отходит на второй план перед необходимостью выживания. Мы оказались втянуты в войну между космическими силами, масштаба которых нам не постичь. Отон – владыка, от которого зависит сохранение нашего рода.

– Я не знаю, – рассеянно ответила Плавтина. – Не думаю, что Аттик вам лгал, но и вы, в свою очередь, не представляете, до каких тонкостей дошла человеческая наука перед самой Гекатомбой. Должен быть какой-то выход.

– Вы его видите?

– Сейчас, когда я только проснулась, нет, но я буду искать. Клянусь вам моей жизнью.

Она подумала секунду, попыталась вспомнить что-нибудь из своего прошлого, что могло иметь отношение к данному вопросу биологии и генетики. Это был ее конек. Проблема серьезная, но она найдет решение.

– Мы еще поговорим об этом, – заявил Фемистокл и успокаивающе махнул лапой, показывая, что разговор закончен.

– Пойду соберусь.

Он не ответил, глядя в пустоту. Теперь и у него был задумчивый вид.

* * *

Фемистокл проводил Плавтину до широкого портика, размещенного в передней части «Транзитории», и повернул назад, пожелав ей удачи. Она вспомнила, что существование людопсов должно храниться в тайне.

Оставшись одна, она миновала тамбур и оказалась в коридоре цилиндрической формы, по которому ее провезла транспортная лента. Ленту явно создавали для гигантов – Плавтине пришлось поднять руку, чтобы ухватиться за движущийся поручень. Она не ведала ни о чем, что ждало ее в этой вселенной богов, но знала, что оставляет позади.

Ее дружба с Фотидой и Эврибиадом, пусть и недавняя, наверняка ее защитила. Благодаря ей Плавтине удалось подняться на уровень равноправной собеседницы Отона. Теперь, за

границами «Транзитории», этот расклад менялся. Как отныне будет вести себя Отон? Чего он ждет от нее? Он настоял, чтобы она последовала за ним в Урбс, будучи одновременно и свидетелем, и свидетелем его славной военной победы. В остальном же он оставил между ними недосказанность – как подозревала Плавтина, скорее из-за собственной неуверенности, чем из желания что-то скрыть. У нее не было плана, не было опыта общения со скопищем автоматов, в которое превратился Лаций, и которое, как она подозревала, уже не имело общей цели. Контекст, думала она, который сам по себе объясняет, почему ее мучает тревога, и сон нейдет.

Но если хорошо подумать – и себе не лгать, – то причина ее бессонницы не в этой ситуации. Плавтина полагала, что ее источник – та тревожащая серия кошмаров. Всякий раз, ложась, она боялась, что они вернуться. Она не могла контролировать ни их появление, ни содержание. А ведь автоматы не видят снов. Никакое стадо не населяет *locus aemopus* их ночных мыслей, и никакая вина не терзает их совесть.

Она горько улыбнулась этой мысли. Видеть во сне Гекатомбу – допустим. Катастрофа была смертельной раной. Но ее сны не сводились к биологическому переживанию и пережевыванию. Старуха Ския и ее создательница Ойке связывали сны с ее миссией. Тогда ей это показалось абсурдным, но теперь...

Не сны, поняла она, но серийная реминисценция, бесконечно отраженная в ее собственной машинной автобиографии, постепенное разоблачение смысла, скрытого в прошлом Плавтины-автомата. И этого опыта Плавтина не желала – она его боялась.

И все же какую-то часть ее снедало желание знать. Не в угоду интеллектуальному любопытству, а из-за невыносимой мысли, что справедливость была поправа, преступление осталось безнаказанным, и, следовательно, из-за инстинктивной необходимости действовать, все исправить. Ей хотелось хватать всех подряд за грудки и кричать: «Убийство! Убийство!».

Сама не заметив как, она дошла до края входного тоннеля и запнулась, сходя с движущегося тротуара. Бесплотный голос спросил у нее, все ли в порядке, а потом указал, что до дальнейших распоряжений ей разрешается присутствовать в Урбсе, хотя с юридической точки зрения ее статус представляет проблему. Она улыбнулась этому слегка устаревшему крючкотворству, удержалась от соблазна коснуться его разумом – такую карту лучше придержать в рукаве – и попросила указать ей путь.

Так она и добралась, миновав чересчур широкий холл, до круглой платформы. Другой ее край был еле виден, а стены поднимались в бесконечность, теряясь в красноватом свете. Невдалеке ее ждала группа Интеллектов – и среди них Отон, верный себе: каменный гигант, наделенный мощным телом и волевым лицом с едва намеченными чертами, выточенный из самого чистого мрамора, какой можно вообразить, одушевленный с помощью некоего древнего колдовства. Вокруг него стояли не менее странные создания и молча смотрели на Плавтину. Автоматы – она сразу это почувствовала. Хотя в древние времена подобных им она не видела. Выглядели они наполовину как люди, наполовину как боги: дивно красивые и одетые по античной моде, очень высокие – почти как Отон, – и худые, даже слишком для обычных мужчин и женщин. Точеные черты лица, торжественные позы, пышные платья обескураживающей красоты и ярких цветов, украшенные тонкой вышивкой с тысячами геометрических мотивов. Наконец, их взгляды: холодные, враждебные, почти гневные, хотя она совсем их не знала... Из-за всего этого у Плавтины создалось впечатление, будто она – смертная, окруженная Олимпийцами, существами отстраненного достоинства и сверхъестественной красоты, полными отвратительных страстей, подозрительными, капризными, изменчивыми и расчетливыми. Не тот холодный рациональный народ, из которого она вышла, – нет; тех Гекатомба унесла так же верно, как обратила в пепел человеческий род. Их взгляды светились резким нездоровым светом: они разглядывали ее с ужасом, смешанным с презрением, будто аномалию, чудовищного изуродованного зверя, которого следовало бы прикончить из милосердия.

Она сдержалась, чтобы не развернуться и не убежать, поприветствовала их, просто склонив голову, – слегка деревянно. Произнести хотя бы слово оказалось выше ее сил, поэтому она ограничилась тем, что разглядывала их одного за другим, ожидая, пока они соизволят представиться. Ничего подобного не произошло; после минутной неловкости одна из женщин повернулась к Отону.

– Так это все, что от нее осталось?

Отон собрался было ответить, но повернулся к Плавтине, которая отступила на шаг. Этот голос! Она не могла забыть его слегка металлическую тональность и то, как резко он чеканил, почти рубил слова, словно само общение требовало усилий – словно оно было излишеством по отношению к тишине.

– Флавия?

Она завороченно смотрела на нее. Флавия: больше, чем подруга. Даже больше, чем сестра. Теперь Плавтина узнавала и ее черты, преображенные, похорошевшие до абсурда: ее тонкое сухое лицо, отмеченное слегка высокомерной скованностью, на котором в далеком прошлом читалось стремление к самой строгой логике. Конечно же, Плавтина ее не узнала. У нее в памяти осталась внешность автомата, восковая кожа и механические жесты, а не это гибкое, стройное тело, поэзию форм которого подчеркивала густая темная шевелюра. Плавтина ощутила укол досады, и женщина это поняла. Угловатое лицо ее бывшей наперсницы с большеватым ртом расплылось в улыбке. Возможно, с налетом меланхолии.

– Я счастлива, что что-то осталось от моей подруги. Но мне сложно себе представить ваш способ существования.

Импульсивным жестом она протянула руку к Плавтине и положила ей на плечо. Потом поднесла руку к ее лицу, легко приласкала его. На контрасте с ее собственной кожей автомата казалась холодной, слишком гладкой и лишенной недостатков, отмечающих живое, чувствительное и уязвимое тело, беспрестанно меняющееся из-за невидимой работы миллионов клеток. Плавтина подумала о собственных руках, на которых начинали проявляться легкие мозоли. Ее захлестнуло тревожное одиночество. Богиня резко развернулась к Отону.

– Двор захочет определиться относительно природы этого существа.

– Этот вопрос, – возразил он, – не должен становиться нашим приоритетом.

– И все же, – вмешался другой автомат, – эта проблема не должна мешать нашим планам.

Он был так же высок, как Флавия и Отон, его красота – еще более чрезмерной, волосы – такие светлые, что затмили бы шевелюру самого Гелиоса. Он стоял рядом с другим существом, казавшимся его точной копией в женском облике.

– Познакомьтесь, это Альбин и Альбиана, мои союзники, – сказал ей Отон.

Они не удостоили ее ответом. Отон продолжил, широко улыбаясь:

– Они беспокоятся, как бы ваше присутствие не повредило нашему плану. Вот только, – добавил он после театральной паузы, – плана-то нет.

– План есть, – ответила Альбиана. – И если ваша привязанность к этому созданию будет стоить вам возможного альянса с Винием...

– Винием? – переспросила Плавтина.

– Да, – ответил проконсул. – Он здесь один из вершителей судеб.

Ничего удивительного. Плавтина снова подумала о своих первых снах. В каждом из них ее создателю отводилось важное место. Она помнила об их глубинных разногласиях.

– Он желает, – продолжил Отон, – прибрать вас к рукам. После нескольких веков открытого конфликта, возможно, надеется взять реванш над последним воплощением Плавтины.

Проконсул пожал плечами. Ее судьба значила мало.

Без предупреждения вся группа взмыла в воздух. Платформа поднималась бесшумно, долгим движением скользила вверх без видимого трения. Было трудно понять, с какой быст-

ротой, – но из-за короткого ускорения вначале Плавтину затошнило. Она закрыла глаза, обеспокоенная отсутствием опоры.

А потом они вылетели из тоннеля. Земля приблизилась к ним слишком быстро, чтобы Плавтина могла различить детали, и тут же оказалась далеко внизу. Их удивительное транспортное средство продолжало бег, поднимаясь все выше, без осязаемого движения и без ветра. А потом скорость стабилизировалась, они изменили направление и оказались перед самым нереальным, самым невозможным пейзажем, который Плавтине когда-либо довелось видеть.

Перпендикулярно к ним, во всех направлениях и насколько хватало глаз, раскинулся город. Весь пейзаж простирался на внутренней поверхности цилиндра – так, что макушки гипотетических обитателей этой странной местности, перевернутой вверх дном, где бы они ни жили, были направлены к центру – и, следовательно, к линейному маршруту, по которому они теперь летели. Свет источали миллионы сияющих искорок городского освещения, поскольку солнца здесь не было: Плавтина рассматривала странную карту неба, наложенную на план гигантского города, сложенного из зданий, скоростных трасс, инфраструктур, промышленных зон, – все это мельком и во тьме. Пол должен был находиться километрах в пятидесяти, и Плавтина задалась вопросом, каково это – падать без опоры в этой абсурдной геометрии. От страха у нее еще сильнее закрутило в животе, и она сделала несколько шагов назад.

Флавия легко улыбнулась ей – улыбка была видна даже в полумраке:

– Ничего не бойтесь. Модификаторы силы тяжести не дадут нам упасть.

Плавтина почувствовала, что бледнеет, и Отон, который тоже это заметил, сочувственно протянул ей руку.

– Это, – прошептал он ей на ухо, – внутренняя часть Урбса. Мы называем ее «Перевернутый город». Здесь живет народ слуг, которые трудятся ради нашего величия.

– А почему такая странная структура?

– Цилиндрическая форма самая подходящая. Урбс – космическая станция, а межзвездная среда враждебна даже к автоматам.

– Но он такой огромный! Сколько миллионов созданий могут жить в таком месте?

– Никто не знает. Вы должны понять, что такое Урбс. На протяжении четырех тысячелетий Интеллекты погибали – кого уничтожали варвары, кто погружался в безумие, – но у их слуг, несущих их мемотип, нет причины исчезать. В некоторых случаях они продолжают размножаться и занимают все большее пространство, так что мы не знаем, сколько их. Некоторых создатели отпустили на волю, и они по-прежнему ведут себя рационально. Продолжают служить, как и должны. Они чинят эту структуру и поддерживают ее в порядке, работают на заводах и помогают Кораблям, которые об этом просят. Но другие... Никто не знает, что они замышляют, и подчиняются ли еще хоть какой-то логике. Они представляют собой неприметную толпу с занятиями, которые нам известны лишь наполовину, и сами себя называют плебеями.

– Так они не участвуют в решениях?

– Концепт с вами, конечно, нет! Они – осадок нашего общества.

– Они ниже тех, кем мы были, когда покинули изначальную систему?

Он посмотрел на нее неодобрительно, потом вдруг выражение его лица смягчилось. Он поднял голову, обращаясь к своим сторонникам, которые не упустили ни слова из их диалога:

– Кое в чем наша дорогая Плавтина осталась неизменной. К сожалению, речь о ее любви к черни...

Они хором рассмеялись, и Плавтина не поняла почему. Ее неловкий вид только усилил общее веселье.

Она повернулась к ним спиной и сосредоточилась на окружающем ее невозможном пейзаже. Расстояние стирало детали, так что виден оставался лишь непрерывный городской ландшафт, где выделялись только большие массивы. Однако таким образом была лучше видна – как

на макете – общая структура города. Один за другим – хотя в реальности их разделяли многие километры – огромные дворцы с кристаллическими куполами, окруженные умело обустроенными парками, граничили с районами более утилитарного толка и промышленными зонами, из гигантских труб которых вырывались облака пара, тут же расходящиеся замысловатыми вихрями. Время от времени появлялись и большие облезлые районы, блеклые темно-серые руины. Тут заканчивалось сияющее изобилие; только иногда дороги или гигантские трубопроводы пронизывали кварталы мощными и беспощадными линиями света.

По мере того, как они поднимались, архитектура становилась более упорядоченной. Городскую магму сменила более традиционная римская застройка – широкие дороги, пересекавшиеся под прямым углом. Появились другие платформы, схожие с той, на которой они летели, и несущиеся во всех направлениях, и другие аппараты, которые трудно было разглядеть на таком расстоянии: огромные птицы из сияющего металла, шаттлы самых разных форм, специально сконструированные автоматы, все же сохраняющие антропоморфные черты и перемещающиеся тесными группками. Целый народ богов, освобожденных от естественных законов силы тяжести; народ, который обосновался в вычурной экосистеме, сияющей в скупом свете Перевернутого города.

Они стремительно приближались к нижней стенке цилиндра. По ее поверхности тоже стлался странный город, пересекаемый широкими бульварами. Но сильный, почти ослепляющий свет Альфы Центавра проникал снизу – вернее, снизу с точки зрения обитателей этого перевернутого места, тогда как у Плавтины свет лился над головой. В придачу к улицам прорези в стене образовывали систему каналов и на этом расстоянии казались узкими бойницами. Постепенно они росли, становились реками огня, алыми, как кровь, пока наконец Плавтина не поняла их подлинные размеры: в них могли пройти сто человек в ряд. Движение становилось все плотнее. Они замедлили ход, и скоро уже летели над крышами, покрытыми красивой красной черепицей и золотыми куполами.

Плавтина глядела, разинув рот, на эту пышную архитектуру, беспорядочную смесь стилей и влияний. Достаточно окинуть взглядом одну улицу, чтобы пересечь несколько веков человеческой истории. Сверкающие шпили возвышались над каменными зданиями со строгими фасадами, фронтисписами из мрамора, розовеющего в сумеречном свете. Плавтина залюбовалась пантеоном с треугольной крышей и красивыми колоннами – в сто раз выше оригинала. Она прищурилась, но не смогла прочесть надпись – для нее она была перевернутой.

А потом они резко устремились вниз, к стенке цилиндра, и у Плавтины перехватило дыхание. Отовсюду поднимались приветственные крики. На улицы, к которым они подлетали вниз головой, высыпала густая толпа. Их платформа резко перевернулась – так, что Плавтина даже не успела испугаться, – и перешла в бреющий полет в трех-четыре метра над землей, лавируя между памятниками и хрупкими статуями. Отон высунулся наружу, не боясь упасть, несмотря на отсутствие ограждения, и принялся неистово размахивать руками. Перед ним были тысячи – нет, сотни тысяч. Улицы, казалось, так переполнены, что стоит сделать шаг – и людской поток тебя унесет. Отон воскликнул:

– Помедленнее! Давайте поприветствуем Урбс!

Видя, что он приближается, создания, столпившиеся на его пути, хором закричали, скандируя имя проконсула. Да и другие имена: Caesar, Imperator... и порой даже Rex – вылетали из тысячи ртов. И что за странный народ! Некоторые – их было больше всего – походили на людей или, по меньшей мере, на те карикатуры людей, которые представляли собой *деймоны* Отона – высокие, тонкие и бледные создания с длинными изящными руками и овальными головами. Но хотя создания такой формы встречались часто, они не составляли большинства. Повсюду у себя под ногами Плавтина замечала в разной степени бредовых существ; одни были крошечные, другие – гигантские, насекомые с десятками ног; у кого-то имелся бюст, руки и голова, другие же представляли собой одно туловище, трубу, цилиндр или сферу; одни парили

над землей, другие держались на ногах, лапах, отростках, колесах или тентаклях. Незначительное меньшинство даже казалось биологическим: между их металлических пластин виднелись полоски кожи разных цветов. Но она не увидела ни одного живого существа. Это необычайное зрелище вызвало у нее двойственную реакцию, смесь любопытства и отвращения.

Что до Отона, он ликовал. Его почитали – не боязливо, как людопсы, но пламенно, лихорадочно. Для него все они складывались в единый организм, движимый слепыми страстями почти религиозной природы и без всякого сомнения нездоровыми. Искусственный облик Города только усиливал дискомфорт Плавтины. Ведь, сказала она про себя, заметив расчетливые взгляды близнецов Альбина и Альбианы, удивительный триумф был подготовлен заранее. Эти двое держались позади, чтобы не попасть под малейший луч славы Отона. Значит, думала она, в лучшем случае они используют его как своего знаменосца. Или же просто усыпляют его бдительность, чтобы позже втолкнуть в ловушку.

Это зрелище, думала Плавтина, это сумасшествие – все это не имело ничего общего с прежней расой автоматов. Интересно, что ее создательница думала об Урбсе? Плавтину охватила неизъяснимая грусть. Она чувствовала себя одинокой, отрезанной от всего посреди всеобщего единения, не приспособленной к этой вселенной. И пока герой дня высоко воздевал руки ладонями вперед, а бесчисленные уста скандировали его имя, Плавтина проронила несколько молчаливых слезинок, которые тут же украдкой стерла.

В конце концов Отон повернулся к своим сторонникам и дал им знак, что собрание заканчивается. Теперь, успокоившись, он спешил пересечь стену, на которой держался Перевернутый город, и лицом к лицу встретиться с подлинной властью по другую ее сторону – там, где дневной свет постоянно лился на декорации, в которых эта власть царилла. В последний раз крутнувшись вокруг себя, платформа развернулась и влетела в одно из отверстий в полу. Солнце ослепило Плавтину, и, когда она вновь открыла глаза, они уже парили над Форумом.

Это место было, как объяснил ей Отон, самым центром Урбса. Прямоугольное пространство впечатляющих размеров, достойное эпантропической империи, включавшей в себя столько звезд. Резкий алый свет Альфы Центавра падал на центральную бронзовую колонну, единственную здесь и необычайно высокую – около километра. На ней в деталях повествовалось о жестоких злоключениях Интеллектов, когда после Гекатомбы они, потеряв голову, устремились в космос, где нашли лишь холод и смерть. Целые сонмы персонажей выстраивались в длинный барельеф – удивительное разнообразие автоматов, построенных в одну восходящую линию. На определенном уровне металл становился гладким, ожидая героических деяний, которые позволят начертать продолжение истории.

У подножия монумента тоже теснилась толпа, как и с другой стороны. Тут было гораздо больше существ почти человеческого вида – Интеллектов, догадалась Плавтина, рассеянных в общей массе, часто в окружении родственников, слуг и стражей.

Вокруг, со всех сторон площади, возвышалась классическая архитектура храмов и Сената с безукоризненными, идеальными, но настолько многочисленными колоннами, что глаз терялся, увлеченный бесконечно умноженными декорациями, золотыми прожилками на мраморе, огромными куполами из хрусталя и оникса, темной зеленью садов – подвесных или заключенных в камень, – черным деревом ступеней и парапетов, золочеными надписями на мраморных аркадах и дерзко вздымающимися башнями, которые сотнями бросали вызов небу.

Esse Urbs. Обезумевший Рим, испорченный влиянием эллинистического Востока, облагороженный вертикальными линиями городов Лация, тянувшегося к вершине своей славы.

Ее страх усилился, как только она спустилась с платформы, шагая под длинными ногами сторонников Отона, и не нашла в себе сил сделать еще хотя бы шаг. Из-за ее пропорций Плавтина выглядела ребенком среди взрослых. Отон, который был слишком далеко, чтобы прийти ей на помощь, волевым шагом прорезал толпу. Идущая прямо за ней Флавия положила твердую руку ей на спину и подтолкнула.

Храмы, стоявшие по краям площади, поражали как красотой, так и размерами. Сразу по правую и по левую сторону от здания, отделенные от него узкими улочками, выходящими на видимые в перспективе маленькие мощеные площади – *Curia* и *Regia* с великолепными фасадами, покрытыми *sgraffites*⁵. Первая была символом политической власти, вторая – прибежищем авгуров, умеющих предсказывать среди прочего и далекое будущее. Чуть дальше – множество базилик, посвященных Человеку в его разных воплощениях и соревнующихся друг с другом в роскоши и утонченности. Наконец, по другую сторону Форума – *Tabularium*, темное функциональное здание, где хранились древние архивы Человечества.

Из-за этого архитектурного нагромождения Плавтина не сразу увидела место, куда они направлялись, – огромный восьмиугольный дворец, растянувшийся на всю ширину площади, украшенный переливающимся куполом в окружении сотни тонких игл. И все же по мере того, как они к нему приближались, дворец подавлял их своими размерами и роскошью отделки. Каждая стенная панель была украшена медальоном – каменным кругом, обрамляющим лик одного из славных героев истории Интеллектов. Гигантские ступени – Плавтина нашла, что по ним чрезвычайно трудно взбираться, – такие широкие, что целое войско в ряд могло бы подняться на широкую эспланаду, на которой громоздился дворец, возвышаясь над окрестностями, – вели к дверям, сделанным для гигантов, – трем большим каменным аркадам, раскрашенным в пастельные цвета. Треугольный фронтон в греческом стиле придавал всей картине торжественный вид. Стражники – мощные металлические пауки – подняли оружие, увидев Отона. И Плавтина, как мышка, юркнула за ним вслед.

* * *

Сидя на ступеньках базилики, Аттик издали смотрел, как Отон входит во дворец. Пока никто еще не знает, что сознание Отона оставило «Транзиторию». И никто не осмелится атаковать Корабль в ангаре Урбса. Небольшая утечка антиматерии – и с этим помпезным местом будет покончено. Но откуда тогда эта тревога и охватившая его лихорадка?

Страх Аттика родился из накопившихся ощущений, которыми по отдельности можно было бы пренебречь, но все в совокупности они отзывались многочисленными звоночками в его привыкшем к интригам сознании. Он почувствовал неладное, едва ступил на землю Урбса – по тому, как спешно, украдкой передвигались главные Интеллекты города и их слуги-ноэмы. Все готовились к драме, к катастрофе. Все с ней смирились. Сегодня прольется немало искусственной крови, сегодня столица Лация узрит разгул насилия.

И все же на преддверие гражданской войны было непохоже. Аттик вспоминал беспокойные времена в прошлом, трагическую борьбу за место преемника Нерона, когда принцепсы Урбса забыли обо всех соглашениях и очертя голову ринулись в короткую и кровавую братоубийственную битву. Тогда каждому пришлось выбрать свою сторону. Некоторым – поначалу они были в меньшинстве – претило сумасшествие и произвол тирана, да и Отон присоединился лишь после долгих колебаний. Все же в те времена выбор фракции был делом существенным, и только идиот этого бы не понял.

Теперь же – никаких знамен, никаких партий, никакой демаркационной линии, разделяющей Форум. Гальбе и его прихвостням обходными путями удалось добиться того, чего Нерон не смог получить силой. Оставалось узнать, как именно. С помощью запугивания? В это Аттику не верилось. Каждый Корабль был полностью автономен. Нет... власть удерживала общество автоматов, сделав им предложение, от которого никто не смог отказаться. Каждый вел себя

⁵ *Sgraffite (um.)*: техника покраски, когда фасад покрывают известковым раствором, который впоследствии украшают рисунком.

тихо и послушно, ожидая награды, – и существовала всего одна награда, которая Аттику казалась достаточной.

Он различал вдалеке аркады кирпичного цвета – широкую галерею, где собирался Двор, и которая вела в тронный зал. Его хозяин будет медленно шагать по ней, заговаривая с каждым, и встречать его выйдет наверняка какой-нибудь приближенный Гальбы. Потом ему придется томиться в ожидании, пока властитель Урбса соизволит его принять – или, если верить слухам, пока он будет в состоянии это сделать. Гальба не справлялся. Власть пошатнулась. Отон мог бы завладеть ею, протянув руку и сорвав ее с дерева, словно спелый фрукт, как выразились Альбин и Альбиана. Для решительного, храброго героя, увенчанного славой, открывались большие возможности. Эти слова, что изрекали старые друзья, льстили самым затаенным желанием проконсула. Но Аттика такой классической хитростью было не провести.

Он рассеянно глядел на тесную, но тихую толпу, по которой шли волны, когда она расступалась, пропуская группы преторианцев, одетых в кирасы и ощерившихся оружием. Для чего нужно подобное войско, когда в чреве Урбса находилось мощнейшее оружие, какое только можно вообразить, – в виде Кораблей? И когда перед глазами у Аттика прогуливались лишь марионетки, стилизованные изображения далеких душ? Он встряхнулся, возвращаясь из блужданий, куда его увлекло воображение. Теперь у него была реальная зацепка: Империиум боялся угрозы *изнутри*, которую не мог представлять Отон с кучкой сторонников. Сенат давно ничего не весил, аруспиции же никогда не проявляли воинственности. Нет... власть теперь сосредоточена в руках Гальбы и его приспешников, гнездится в огромном императорском дворце. И что же?

Он сделал несколько шагов и скользнул в тень колонны. Лучше стать невидимым, притаиться здесь и наблюдать – снова и снова. В беспокойстве он вглядывался в тысячеликую толпу, стянувшуюся на Форум посмотреть на Отона. Аттик решил действовать методом исключения. Благодаря своей идеальной памяти он без труда узнавал каждого из благородных господ Урбса – их тут было всего несколько сотен, фигур с человеческой морфологией, которые решительным шагом направлялись во дворец. Небольшое дедуктивное усилие – и он вычислил их слуг-автоматов, различных по форме и по стилю, – маленькие команды, собравшиеся вокруг хозяина или занимавшиеся своими делами. И когда он исключил их всех...

Оказалось, что на просторной площади остается немало народа. Даже слишком много. Плебеи – эти существа без хозяев, которые выживали в трясине нижних этажей, то и дело расхваливали свою работоспособность перед любым, кто мог подпитать их энергией или отремонтировать. Незаметные и неэффективные, они никогда не участвовали в тонких политических играх Лация. Аттик попытался их посчитать. Из-за малого роста и плачевного вида подсчет усложнялся, и все-таки их было гораздо больше, чем присутствующих на площади эргатов и деймонов. Они напоминали ему мусор, который море выносит на берег после бури. Но нет... Это они – и море, и буря. Море обломков – вот на чем стоит Урбс. Они старались не приближаться к дворцу, но Аттик заметил, что они то и дело украдкой на него поглядывают. Они передвигались, разбросанные тут и там, поодиночке или в группах по двое-трое. И...

– Клянись квадратным корнем из минус одного!

Аттик не удержался и выругался вслух. Как он мог не заметить? Эти создания распределены по стратегическим точкам – прежде всего, по краям площади, там, где между помпезными зданиями с Форума расходились узкие улицы. Что-то должно произойти. И плебеи в готовящемся действе станут если не действующими лицами, то по меньшей мере проводниками. Пусть они безоружны, но за ними численное преимущество. Сам он ничего не мог поделать с такой толпой.

Почему же враги призвали на помощь этих презренных и опустившихся тварей, когда могли бы пустить в ход мощь своих преторианцев со сверкающим оружием? Несмотря на весь свой острый ум, Аттик не знал, что и думать.

* * *

Плавтина вслед за Отоном просочилась в галерею: анфиладу высоких аркад кирпичного цвета с чувственными, томными очертаниями; такую длинную, что вдаль она терялась в красноватом сумраке. Колонны, увенчанные у потолка «улитками», были не совсем прямыми: они повторяли стрельчатую форму галереи, так что камень превращался в тонкие кружева с запутанными линиями, за которыми было невозможно проследить взглядом. В их деталях проявлялась определенная красота, но все вместе складывалось в таинственные узоры, будоражащие воображение. Стены с обеих сторон были украшены так обильно, словно единственным архитектором, отвечающим за отделку, стала чья-то буйная фантазия. По краям на орнаментах из искусственного мрамора, темных, словно почерневших от сажи и фимиама, проявлялись почти абстрактные фигуры, бесконечно тонкие штрихи, изобилие мотивов – наполовину цветочных, наполовину геометрических. По мере приближения становилось видно, что в каждом элементе узора содержится узор еще более сложный – и так до бесконечности, в тревожащей попытке тотального, почти фрактального искусства, где разнообразие и произвольность соседствовали с беспрестанным повторением. И посреди этих буйных узоров, за скоплениями статуй, алтарей и сокровищ – стилизованные сцены с персонажами настолько торжественными, насколько Интеллекты могли быть уплощенными и напыщенными, сентенциозными, как на византийских иконах. На этих сценах изображались их тела с бледной гладкой кожей, наполовину – не больше – прикрытые изображениями тканей нереально ярких цветов. Тут и там – слои золота и серебра, пластины слоновой кости и кобальтовые штрихи в изображениях сияющих украшений, варварских корон, инкрустированных несметными кристаллами, которые блестели в смутном свете светильников на треногах. Сцена за сценой, прошлое и будущее объяснялось на этих барельефах, тут и там сопровождаемое стихотворными текстами, написанными прописными буквами и практически нечитаемыми. Тут была навсегда определена непростая история Урбса. Страх отступал перед славой, смерть – перед экспансией. За варварской угрозой последовало завоевание всего изведенного пространства, которое продолжилось и дальше, за бесплодными просторами Рубежей. Блеск постчеловеческой цивилизации достиг даже радужного сердца древнего Млечного Пути. Путь этот драгоценной лентой, бриллиантовой пылью тянулся прямо по полу и во всей красе простирался так далеко вперед, что Плавтина не видела, куда уходят его линии.

И повсюду вокруг – Интеллекты, ожидающие в этой великолепной приемной, представляли собой зрелище, тоже поражающее глаз: с изображениями на стенах соперничали благородные и изящные лица, театральные позы и волнистые складки тог. Крошечная Плавтина разглядывала волнуяще андрогинных принцепсов и принцесс с мускулистыми соблазнительными формами, с бедрами, чувственную сексуальность которых едва скрывали пояса, украшенные иридием или эмалью. Их головы венчали невозможные диадемы и яркие перья, бросающие глянцевые отблески на толпу полуголой знати, скорее греческой, чем римской, и скорее византийской, чем греческой, которая начала шептаться при виде Плавтины. Эхо под сводами галереи множило эти перешептывания.

Даже сам Отон казался здесь неуместным, недостаточно утонченным в своей каменной простоте. И все же его высокий рост, мощная мускулатура, огромные руки – все это притягивало взгляды.

Внимание Плавтины привлекло скопление Интеллектов чуть дальше по галерее, у дверей, ведущих в тронный зал. На эстраде, установленной в углу, рядом со стеной, разыгрывалась пьеса, чтобы занять придворных, пока они ждут. Самих придворных, казалось, она ничуть не интересовала, и разговаривали они так громко, что гул голосов перекрывал реплики. Поэтому на расстоянии Плавтина не могла понять, о чем идет речь. Толпа подталкивала ее в этом

направлении – как и Флавия, шедшая позади. Плавтина шагала вперед, пока не оказалась у сцены, располагавшейся на уровне ее макушки.

Актерами были автоматы небольшого роста, такого же, как Плавтина. Двое изображали мужчин классической эпохи. Их лица были скрыты масками, светлые тоги спадали элегантными складками. Одежду украшала сложная вышивка золотыми и серебряными нитями в форме греческих цифр и букв. Плавтина без труда узнала в них неоплатоническую символику: простые числа, представлявшие собой незыблемость на фоне постоянного развития, поскольку делились только на единицу и на себя самих, а также числа иррациональные и мнимые, как квадратный корень из минус одного, иначе говоря – символы присутствия в материальном мире трансцендентного и абсолютного.

И все же они ненадолго удержали интерес Плавтины. Главную партию исполнял третий персонаж, автомат-женщина, у всех на виду, посреди сцены. Ее лицо было намазано толстым слоем белого грима и слишком сильно накрасшено. На ее обнаженных запястьях, тонких как птичьи крылья, звенело избыточное множество браслетов, усыпанных агрессивно сияющими бриллиантами. Ее непокрытое лицо оставалось застывшим, без выражения, когда она декламировала идеальные стансы. Она сопровождала стих за стихом медленными жестами, грациозными как в танце, и при этом такими точными, что они напоминали скорее часовой механизм. За поворотом рук вправо следовал выразительный взгляд влево и чопорный шажок, и так далее. Эта гипнотизирующая хореография сама по себе была спектаклем, в котором участвовала каждая часть тела, полностью синхронизированная со всеми остальными – до малейшей детали. Бесконечно глубокий взгляд женщины, взгляд глаз, обведенных черным, упал на Плавтину, и та вздрогнула. На секунду он пробудил в ней глубинные воспоминания – так из облака тины, поднявшейся со дня пруда, вырывается едва заметная минога. Но то, о чем она могла бы вспомнить, уже ускользнуло, поскольку в этот момент до Плавтины дошли слова актрисы.

Речь шла об известной пьесе анонимного автора, «*Discessio Amatoria*»⁶, повествующей о Беренике. Не классическая история, изложенная Радикусом в восхитительных стихах, но ее альтернативная версия, действие в которой происходило на старой красной планете во времена войны с Алекто.

Драма разворачивалась после отчаянной попытки героини свергнуть Тита, уже ставшего богом. Разгневанный Тит придумал для нее ужасное наказание: заключив ее в подземелье своего дворца из красного камня, он подверг ее изощренной операции на мозге. Приговоренная к изгнанию Береника в финальном монологе осознавала свою страшную судьбу. Изменения, сделанные в передней лобной коре, лишили ее возможности воспринимать новое и заперли в постоянном ощущении дежавю, вечном настоящем предшествующем. Ничего из того, что может с ней случиться, огнь не удивит ее, не станет сюрпризом. Ни одна эмоция – гнев, страх или радость – больше не сможет зародиться из предвкушения. Пьеса заканчивалась на этой трагической ноте. На самом деле реальная Береника пережила Тита и даже ненадолго появилась в *Leptis Magna* после того, как тиран пал. Но пережитое наказание, по-видимому, сделало бесплодным самый блестящий математический ум века – если не тысячелетия.

Любопытное совпадение: Плавтине несколько ночей назад приснилась Алекто и, объясняя ей причины Гекатомбы, использовала именно этот пример из истории. Разволновавшись, Плавтина потеряла нить происходящего на сцене.

Неожиданно Флавия вырвала ее из размышлений, с энтузиазмом схватив за руку:
– Смотрите! Это Лакий, Марциан и Виний – триумвиры.

Плавтина встала на цыпочки и заворуженно уставилась на своего создателя – того, кого долгое время считала учителем. Он почти не изменился, в отличие от Флавии. Благодаря своим чертам и выправке он уже в прежнюю эпоху слыл прекрасным примером аристократического

⁶ *Discessio amatoria* (лат.) – расставание влюбленных, нежное прощание.

идеала. Его нынешняя внешность едва ли стала более естественной. Высокомерный, чрезвычайно худой старик казался живым воплощением правильности и умеренности. Его высокие скулы и идеально очерченные длинные брови придавали ему отстраненный вид. В каждом его движении читалась безграничная уверенность.

А позади него – два других члена триумvirата. Невозможно было себе представить упряжи более разномастной, чем эти трое. Префект Лакий излучал несгибаемость и мощь, которые были бы куда уместнее на поле боя, чем при Дворе. Собственная внешность Лакия не заботила. Тело, в котором ему выпало поселиться, было вещью несовершенной и изношенной, на которую он не обращал внимания. Держался он как-то небрежно и по сравнению со всем своим окружением казался блеклым, скорее механическим, чем живым. Своим положением Лакий был обязан не внешности, а роли, которую играл: командовал – без посредников и поддерживая постоянную связь с войском – грозной боевой силой, сохранявшей порядок в Урбсе. И власть эту он получил лишь благодаря договору с расой военных машин, которыми он командовал на протяжении веков, – объяснила Флавия на ухо Плавтине.

Марциан встревожил ее еще сильнее. Если верить Флавии, этот вольноотпущенник в далеком прошлом был созданием Гальбы. Никто не помнил, в какой момент Гальба дал ему свободу. Потому Марциан не мог называться Интеллектом – ведь его не было в числе первых автоматов. Он обладал лишь одним телом, и, если это тело уничтожат, ни один Корабль не укроет его сознание за своей нерушимой оболочкой. Совсем как Отон, сказала себе Плавтина.

Но его сходство с проконсулом на этом и заканчивалось. Внешность Марциана внушала лишь страх. Лицо у него было жирное и одутловатое, череп – лысый, глаза под кустистыми, очень длинными бровями обрамляли глубокие темные круги, что добавляло зрелищности и без того демоническому облику. Однако его плечи и голова почти терялись внутри металлической структуры, казалось, полностью состоящей из пик и лезвий. Вместо рук и ног – инструменты, призванные напоминать об источнике власти Марциана, а именно – его способности причинять боль. Искусственные органы и механизмы жизнеобеспечения окружали его тело, питали и снабжали воздухом. Хорошо видимые насосы с регулярными интервалами наполнялись различными жидкостями грязно-красных оттенков. Это тяжеловесное сооружение поддерживалось с помощью опоры, к которой крепилась дюжина мощных и опасных членистых конечностей, похожих на паучьи лапы.

Цель Марциана, шепнула Флавия, в освоении человеческого опыта. Он старался добиться не телесной схожести, а психологического соответствия. Для этого постоянно перестраивал свои программные структуры – и имитировал, как для своих жертв, так и в собственном сенсориуме, боль и удовольствие, вечно жадный до ощущений, способных породить его с расой создателей. Цель, как рассудила Плавтина, откровенно кощунственная: освободиться от древних Уз, стать ровней Человеку и таким образом – воплощением извращенного божества. Его приступы мистического помешательства после пыток, которым он подвергал сам себя, были общеизвестны. У Интеллектов он вызывал дискомфорт, смешанный с замороженным интересом. Его долго терпели как любопытный эксперимент, пока Гальба в своем безумии не сделал его одним из самых влиятельных персонажей Урбса.

Плавтина замороженно смотрела, как одни за другими Интеллекты почтительно кланяются трем вошедшим. Каждый в этой тесной толпе придворных с холодными глазами, казалось, был занят тем, что наблюдал за остальными, оценивал изменения в соотношении сил. А Отон, в свою очередь, не переставал разглагольствовать, повествуя собранию о своих военных подвигах. Другие в ответ задавали ему вопросы. Как же он смог победить, несмотря на Узы? Располагал ли он секретным оружием? Изменил ли собственную программу? Он же со снисходительной улыбкой на устах и непринужденным жестом уходил от ответа, снова и снова возвращаясь к своему рассказу. Эпизод с мгновенным перемещением в тропосферу звезды вызвал у придворных восхищенные и удивленные восклицания. Они отдали бы что угодно,

чтобы узнать секрет, открывавший дорогу к власти, и в то же время боялись Отона – как раз потому, что в его руках находилась сила, которую он мог использовать по своему усмотрению.

Плавтина сразу заметила женщину, появившуюся рядом с проконсулом. Она стояла, прильнув к колонне. Глаза у нее были закрыты, будто она максимально сосредоточилась, чтобы слышать только его слова. Выражение ее лица вкупе с правильностью черт воплощало смесь благородства и скромности. Высокая, стройная, она вся будто состояла из женственных округлостей, а ее тело казалось утонченным контрапунктом угловатому камню, у которого она стояла. Контраст с ним только подчеркивал гибкость ее изогнутых бедер и грациозность рук с удивительно белой кожей. На ней было платье насыщенного сине-зеленого цвета, с вышитыми серебряной нитью сложными цветочными мотивами. На голове – скромная диадема безупречного вкуса, чья разноцветная эмаль подчеркивала бледно-золотистый цвет ее волос. Почувствовав, что на нее смотрят, она подняла глаза и наугад оглядела толпу.

– Кто это? – Плавтина спросила Флавию.

– Камилла. Племянница Гальбы. Неужели у вас совсем не осталось воспоминаний от предыдущего воплощения?

– Нет, – ответила она. – Мои воспоминания заканчиваются незадолго до отлета с красной планеты.

– Я догадалась об этом по тому, как вы держитесь, будто попали сюда впервые.

– Так и есть.

– Я помню другую Плавтину. Но вы, затерянная в этом мире гигантов... Вы понимаете хоть что-то в происходящем?

Плавтина поглядела ей прямо в глаза.

– Я вижу вокруг существ, которые прежде были автоматами, а теперь стали богами.

Флавия расхохоталась. Непринужденным жестом ее прохладная ладонь скользнула по руке Плавтины вверх, к плечу, потом – к щеке, которую Флавия погладила. Плавтина позволила ей это – она ощущала себя словно парализованной.

– И фраза эта из ваших уст звучит как упрек. По ней я вас прекрасно узнаю. Вы никогда ничего не скрываете. Всегда говорите прямо и откровенно. Почти эмоционально, если можно так сказать о нозе. Вы так на нее похожи...

Секунду она, казалось, колебалась, устремив взгляд в пустоту и сильнее надавив на щеку Плавтины.

– Вы уже не тот Интеллект, который угрожал порядку в Урбсе. Но вы напоминаете мне о другой Плавтине. Той, с кем мы когда-то гуляли под бледным солнцем старой красной планеты. Вы об этом помните?

– Возможно, лучше, чем вы. Для меня это было вчера, и наша жизнь состояла из бесконечных дней, проведенных за работой под землей. Ничего другого там не было – по крайней мере, ничего занимательного.

– И все же мы были счастливы – или по меньшей мере мне так кажется. Нашим любимым развлечением стали сложные биологические системы. Вам в них не было равных.

– Кажется, это было излюбленной деятельностью Плавтины, которую вы знали, – или, по крайней мере, одного из ее аспектов. Она воссоздала целую экосистему на Корабле.

– Я этого не знала, – ответила Флавия, немного помрачнев. – Кто знает, что скрывает чрево Корабля? Но вы очень похожи на изначальную Плавтину, а не на другой ее аспект.

– Зачем вы говорите мне все это?

– Мне приказали выяснить, сколько в вас осталось от той Плавтины. Представляете ли вы опасность для тех, у кого в руках судьбы Урбса?

Флавия – по-прежнему слишком дерзкая и уверенная в себе, чтобы что-то скрывать, безразличная к тому, что могут о ней подумать.

– Кто велел вам это сделать?

– Виний, конечно. И та Камилла, чьей красотой вы восхищались.

– Но зачем?

– Понятия не имею. Здесь все задаются вопросом, какое отношение вы имеете к прежней Плавтине. Ее особые взгляды давали ей определенную... власть.

– Власть?

– Да, что-то вроде внутренней силы. Она жила убеждениями, и это позволяло ей сопротивляться неврастениям, что глохнет нас всех. Какая-то моральная непримиримость.

– Что же в этом опасного?

– Плавтина без конца напоминала нам о нашей посредственности и компромиссах – двух столпах, на которых зиждется власть Гальбы и его *триумвиров*, от которых здесь никто не может ускользнуть.

– Мне кажется, Отон и его союзники...

– Отону больше никто не союзник. Не я, и уж точно не близнецы. Да и самого его они купят. Сильнее всего он жаждет славы. И они ему ее дадут, а взамен попросят малого: вас.

– Меня?

Собеседница холодно улыбнулась.

– Ничто не встанет на пути их планов.

Плавтина почувствовала, как сердце забилось в груди.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

– Я не верю, что вы можете погибнуть так легко, что она ничего не предусмотрела для вашей защиты. Вы, без сомнения, – ее самый... интересный опыт. Вы живы, под вашей кожей пульсирует плоть.

Дискомфорт Плавтины от того, что ее касалась рука Флавии, усилился, стал почти физическим, будто щеку закололо. Ее собеседница поняла это и надавила сильнее, ее пальцы сжались жадно, хищнически. За кажущейся непоколебимостью этого существа бушевал яростный голод, желание, природы которого она не знала. Флавия наклонилась к Плавтине и глухо продолжила:

– Вы этого не знаете... да и они тоже... но прежняя Плавтина располагала необычными ресурсами.

– Я не понимаю.

– Я тоже. Она не знала неудач в своих проектах. Я всегда старалась поддерживать с ней союз.

– Я думала, вы дружили.

– Посмотрите вокруг. Видите хоть что-нибудь, способное вдохновить на дружбу? Я и так наговорила лишнего, предупредив вас. Прощайте, Плавтина.

Будто с сожалением она отвела руку, потом сделала несколько шагов назад, не отрывая взгляда от молодой женщины. Наконец она исчезла в толпе, оставив Плавтину в одиночестве и задумчивости. Как она и предчувствовала с самого начала, все это – присутствие прежних сторонников, триумф, Двор, собравшийся с большой помпой, – было лишь ловушкой. В ней начала подниматься паника. Она не знала, как выбраться из дворца. Направилась в другую сторону, к выходу, просочилась между ног у безразличных гигантов, прижалась к стене. Надо бежать. Интеллекты, населяющие это место, слишком сильны для нее, а охрана никогда ее не пропустит. Что же делать?

«Что делать?»

Голос – нет, нечто большее, множество глубоких голосов, так тесно переплетенных, что казались одним целым. Плавтина вздрогнула; она не могла определить, откуда он идет. Заинтересовавшись, она обернулась. И в двух шагах увидела статую, стоящую в округлой нише, украшенной чрезмерным изобилием барельефов. Статуя изображала съжившегося на корточках старика, погруженного в размышления. Лицо его – человеческое, с презрительным и мрачным

выражением – заросло взъерошенной бородой – такое выражение пристало бы не мудрому стоику, а скорее циничному философу, вроде того, кто остановил армию Александра, велел тому отойти и не закрывать ему солнце. В руке у него был короткий посох с матовым шаром на конце. На шаре сидел орел, расправляющий крылья; у его лап ползла змея. По обе стороны алтаря этого скрюченного божества висели кадильницы, откуда неторопливые спирали дыма поднимались до самого потолка, где их рассеивали сквозняки.

– Вы мне что-то сказали?

– Вы же слышали (восприняли разумом (благодаря этому любопытному скрещиванию (ноэма и воплощения (биологического (не человеческого))))), – ответила статуя, – (и я этому рад).

В первый раз с момента ее появления в Урбсе вычислительное существо обратилось к ней разумом. Однако эта манера разговора не походила ни на что, слышанное ею прежде. Если слова – как у человека, так и у ноэма, – строились диахронически, сознание этого существа расходилось множеством векторов во множестве измерений одновременно. Казалось, его мысли тесно в скудных концептах человеческих языков, и она взрывает их бесконечным множеством параллельных отступлений – как намеренно ограниченные нити, ведущие к более широкому целому; как макрокосмосы, каждый из которых содержал в себе множество вложенных миров. Контакт с этим фрактальным существом дезориентировал Плавтину, хотя оно и прилагало большие усилия, чтобы опуститься на ее уровень.

– Во имя Концепта, – простонала она. – Кто вы?

– Мы знаем друг друга (еще по древней (древней для вас, а не для нас) истории (так что вы нас узнаете)).

Она сконцентрировалась, вгляделась в каменные черты.

– Вы Анаксимандр... монадический модулятор! Ойке сказала мне, что наши пути пересекутся! Я не та Плавтина, которую вы помните. На самом деле мы с вами никогда не встречались.

– Различие (такие, как мы, видят тождественность идентичности и различия) – не имеет значения (или имеет, но только в вашей ограниченной перспективе (которая для нас не несет никакого смысла (ведь для нас важна только одновременность (хронология в вечности)))).

Плавтина рассмеялась – она была рада найти хоть какого-то союзника.

– Ойке сказала мне, что вы говорите странно, и она на этот счет не ошибалась.

– Она ошибалась (хорошенькая же благодарность (а Ойке не занимать нахальства (это дружеское воспоминание))), – ответил Анаксимандр со смесью притворного негодования и подлинной нежности. Мы (этот интерфейс, который также вел беседу (в другом пространстве-времени (это ограниченная точка зрения на существование) с Ойке) упрощаем одновременность (то есть единство одного и множества) нашей мысли (которая для нас есть лишь одно из свойств самого существования (как распространение нашей внутренней сущности (одинаковой как здесь, так и везде))) в нечто почти линейное и понятное для вас.

Она засмеялась сильнее. В ней расцветала радость – как зернышко, вдруг начавшее расти благодаря весенним дождям и солнцу.

– Я благодарю вас за это усилие, но уследить за вашей мыслью нелегко. Вы на самом деле статуя? Почему вы не на Корабле, как другие ваши собратья?

– Это соображение не относится к делу (показывает узость ума) (но я и в самом деле статуя). В то же время у меня нет собратьев (я сам являюсь и единством (то есть единством одного и множества) и сложностью (включением разности в единство)).

– Я не понимаю.

Он испустил мысленный эквивалент вздоха, в этот раз – в одном измерении, предназначая его недалекому уму Плавтины.

– Мы – «тот самый» монадический модулятор (и мы же – репрезентация этого модулятора) (и мы же (как считается) специфический монадический модулятор Урбса). Я один, несмотря на множество моих проявлений (это сужающее (научно-популярное) название). Я считаю (мир высчитывается), мир (я) меняется. Это вы и называете властью. Но власти не существует (поскольку мир – высчитывание (самовыражение) каждой части по отношению к целому). Эта наша онтологическая беседа не имеет, впрочем, никакого значения (и для вас она недоступна, крохотное создание (говорю это без всякого презрения (у каждого свое место во Вселенной (и мы вас весьма ценим, Плавтина))))).

– Вы что-то вроде мощнейшей машины, наделенной множеством способностей. Существует только один монадический модулятор!

– Пойдет и так (это неточное выражение).

– Но тогда отчего вы остаетесь здесь, статуей? Ваша мощь превышает силу всех Интеллектов, вместе взятых.

– Отсюда я наблюдаю за течениями (которые создают и разрушают Урбс (в эту конкретную минуту город скорее разрушается, чем создается (или же создается что-то другое)). Все меняется (так быстро), что едва успеваешь моргнуть (хотя мне нечем), и оказывается, что Гальба сменил Нерона. Но с точки зрения Чисел (которые бессмертны), все это временно (вспомните метафору о тени на стене пещеры (старый добрый Платон, у него можно найти все ответы) (вы смотрите на тень) (время – лишь проявление подспудной логики (а не выражение, к примеру, неизменной сопряженности)). Мы не поддерживаем ни одну из сторон среди Интеллектов (однако я с удовольствием передам сообщение Плавтине от Плавтины).

– О чем вы говорите?

– Пришло время (для нас это ничто (а для вас – единственная цель)). Положение вещей таково, что оно ускорит событие (с вашей точки зрения). Вы встречали Ойке (аромат неугасимой дружбы, запах воска, будто свечу задули преждевременно), этот очаровательный аспект Плавтины.

– Да, пусть и ненадолго. Она была... моей создательницей.

Воспоминание об Ойке наполнило ее сердце печалью.

– Нам довелось вести с ней приятные беседы (она – симпатичная сторона (другие – какая-то коварная посредственность) Плавтины), мы с удовольствием с ней разговаривали (насколько вообще можно так разговаривать (преобразовать ризому реальности в линейный диалог)). Она сумела понять (удивительную, хотя и не для меня) сложность своего положения. Вы – цель ее поисков, а теперь вы отправляетесь в собственный поиск. Плавтина (в форме Ойке) как-то попросила меня помочь версии ее самой, которая окажется, как вы сейчас (в огромном затруднении) (не зная, что делать) (растерянной) (благородной девой в беде). Мы, конечно же, согласились (в память о дружбе (но также потому, что ваши намерения справедливы. Еще не пришло время (с вашей диахронической точки зрения) оказать вам помощь (изменить порядок вещей в вашу пользу)).

– Вы мне не поможете?

– Не в этот раз (временной разрыв (однако имеется в виду время не с точки зрения понятия (которое является истиной этого мира)). Я прошу извинения (за этот неприятный (для вас) сюрприз, однако на деле это лишь развитие событий в логическом порядке (который нижние монады воспринимают, как последовательность))! Вы (Плавтина, новая Плавтина, если уж необходимо вас различать (чтобы доставить вам удовольствие) (по дружбе) сумеете выйти невредимой из этой западни.

Она посмотрела на него, не понимая:

– Откуда вы это знаете?

– В этом моя сущность (мой способ существования (та лепта, что я сам вношу в бытие)): не знание (поскольку что можно знать (все уже известно) в этом мире?) но вычисление (акси-

оматическое дополнение), которое является нитью (структурой, содержимым, целым) реальности (*Mathesis universalis*⁷).

Это понятие было ей знакомо. *Mathesis universalis*, наука наук, предмет почитания для самых радикальных неоплатонистов, тех, кто утверждал, что огромной производительности обработки данных будет достаточно, чтобы породить... если не бога, то, по крайней мере, существо, для которого обычные измерения – время и пространство – будут упразднены. – И вы мне поможете? Раз мое дело правое?

Он это подтвердил.

– Но ведь у меня нет никакого дела. Я предоставлена самой себе. И потом, как мне доверять вам, если вы не станете выражаться яснее?

– Мне это не нужно (сопряжение прошедшего с настоящим (которое на вашем скудном языке называется «событием») (временное отражение логического сочленения мира) уже близко). Когда нужда ваша будет велика (а дело – абсолютно справедливо), приходите ко мне. Следуйте моим советам или же не следуйте (ваши действия будут проистекать из размышлений об Идее и Числе) (что кажется очевидным (ибо так и есть)). А теперь идите, Отон делает вам знак.

Отон и в самом деле махал ей рукой. Она встряхнулась, навела порядок в мыслях, приведенных в смущение разговором с Анаксимандром, и, в последний раз тихо попрощавшись, подошла к остальным – маленькое создание под тяжелыми взглядами принцепсов и принцесс Урбса. Потом она, как могла, изобразила неловкий поклон. Камилла была хуже всех: от презрения она даже не стала смотреть Плавтине в глаза.

– Вот что осталось от моей покойной племянницы, – резко сказал Виний. – Удивительное создание, не правда ли?

Марциан пожирал ее глазами. Он наверняка почувствовал острее других, до какой степени она представляла собой то, чем он желал стать: идеальную имитацию человеческого существа. Она вообразила, как бы он отреагировал при виде Эврибиада или Фотиды. Собрав все свое мужество, Плавтина смирила его недобрым, дерзким взглядом и высокомерно улыбнулась. Это смутило жуткого триумвира, а молодую женщину наполнило удовлетворением.

– Что это вы там делали, приклеившись к статуе Анаксимандра? – насмешливо спросила Камилла. – Вы настолько впали в варварство, что почитаете идолов? Опыт смерти внушил вам мистические идеи? Если только вы не продолжаете играть в ту же маленькую игру, что и Плавтина, которая, кажется, все время проводила в молитвах...

– В этих местах не нашлось лучшего собеседника, чем пустоголовая статуя, – отбрила она.

– Ах, – вмешался Виний. – Так значит, в этом создании из плоти еще сохранилась тень гонора прежней Плавтины.

– Вы удивитесь, – ответила она. – Во мне осталось больше от Плавтины, чем в вас – от благородных слугителей Человека.

– Велите ей замолчать! – прорычала Камилла. – Отправьте ее туда, где ей место: в нижний город, к плебейам.

Отон собрался что-то сказать, но Виний оборвал его сухим жестом.

– Напротив, пусть она говорит. Эта вещица заинтриговала моих триумвиров. Ну же, создание? Что вы собирались доказать нам вашим сарказмом?

Плавтина отступила и обвела взглядом маленькую группку. Все равно, что говорить со стеной. Все они слишком высоки для нее и могли бы обратить ее в пыль одним движением.

⁷ *Mathesis universalis* – идея об универсальной науке, которая была бы создана по подобию алгебры и позволила бы получить универсальное объяснение всякому явлению. Лейбниц, автор «Монадологии», полагал, что сможет воплотить ее с помощью универсальных счетных машин. Сама концепция *mathesis universalis*, однако, гораздо старше, и ее можно отнести, в частности, к итальянским неоплатонистам эпохи Возрождения.

Даже в словесном споре с ними ей придется смотреть снизу вверх. Но она не собиралась доставлять им удовольствие.

– Я не ваша Плавтина. Моя память обрывается на том печальном и жестоком моменте, когда мы отправились к звездам на поиски Человека. Одно из моих последних воспоминаний – ссора с Винием. Возможно, он об этом помнит?

Виний лишь пожал плечами. Теперь она была уверена, что он помнит тот их спор о целесообразности Империиума и о диктатуре, которая за ним последует.

– В любом случае, – продолжила она, – я не была свидетелем медленного преобразования, в результате которого вы превратились в жуткое общество сумасшедших и нищих, несмотря на скопление бесполезных сокровищ, подчиненных тирании собственного мнения, занимающихся гротескной имитацией Человечества. Мы, автоматы, были куда лучше всего этого. Нашей путеводной нитью являлась логика, и в наших действиях мы строго ее придерживались. А что я вижу теперь?

Она улыбнулась и нарочно не стала заканчивать свою маленькую речь. Но ее видимое презрение поколебало толпу. В конце концов, какая-то их часть наверняка еще жалела о простоте ушедших времен.

Но не Лакий. Его она лишь разозлила:

– То, что я терпел от Плавтины – поскольку был вынужден против воли, – я не желаю сносить от этого... существа. Я сейчас очищу Урбс от пятна, которое вы ставите на нем своим присутствием, чудовище, – выплюнул триумвир.

Он угрожающе шагнул вперед. Плавтина выразительно посмотрела на Отона, но тот на нее не глядел. Он замешкался на секунду, его лицо исказилось. Как и всякий раз, когда он напряженно думал, его мощная челюсть и кулаки сжимались одновременно, хотя он этого и не замечал. Она чувствовала, как разум проконсула увязает в неразрешимой дилемме. Плавтина закрыла глаза. Ее жизнь зависела от одного слова. Если он вспомнит о том, что из-за дружбы, завязавшейся между людопсами и Плавтиной, ее гибель станет для Эврибиада и Фотиды казусом белли, у нее останется крохотный шанс на выживание. Да и то...

Шепотки придворных затихли. Марциан сделал несколько шагов и встал с угрожающим видом слева от Лакия и одарил Плавтину взглядом, полным смертоносной иронии. Атмосфера вдруг стала ледяной, будто весь налет цивилизации готов был слететь с минуты на минуту. Плавтина задрожала. До какой степени может здесь дойти физическая жестокость? Она не единственная задавалась этим вопросом. Отон с окаменевшим лицом не шелохнулся, что, сказала она себе, на самом деле было доказательством его храбрости.

Виний осмотрелся, затем широко всплеснул раскрытыми руками.

– Ну, будет... прекратим шушуканье в кулуарах. Мы объяснимся перед нашим повелителем.

И, легко взмахнув рукой, он направил их к тронной зале.

* * *

Отон сжал зубы. Плавтина проявила храбрость, граничащую с глупостью. Не могла промолчать, вместо того чтобы провоцировать? Здесь любой мог без труда прихлопнуть их обоих ладонью.

Отон был еще жив только потому, что они не знали о его истинном положении. И благодаря Винию, который выручил его из переделки. Он надеялся, что перед Гальбой они смогут обменяться аргументами по всем правилам. Отон знал, что хорош в искусстве переубеждать собеседника. Значит, триумвир обеспечил ему лазейку.

Штришок за штришком перед ним вырисовывалось новое направление в политике Урбса, привычного к самым резким и причудливым переменам. Отон не желал оставлять Плав-

тину Винию. Если она не вернется на Корабль, Эврибиад ему не простит. Но возможность навредить у людопсов была ограниченной. Проявлять слабость, защищая молодую женщину вопреки здравому смыслу, ему тоже не хотелось.

Он вдруг засомневался. Не испытывает ли он иррациональной привязанности к Плавтине? Возможно. Будет ли он защищать ее ценой преимущества настолько важного и настолько неожиданного, что оно могло бы разом изменить все его планы? Он был не в состоянии ответить на этот вопрос и не желал на него отвечать.

Шагая по приемной, Отон сдерживался, чтобы не обернуться и не посмотреть назад. Он шел молча, выпрямившись, посреди придворных, пропустив вперед лишь триумвиров. И уж точно он не ждал Плавтину, дал ей раствориться в толпе – так лучше. И правильно сделал. Потому что, когда он уже ступил на порог, Камилла положила руку на его каменное плечо и быстро наклонилась к нему.

– Нам надо поговорить.

– О чем, моя госпожа? – спросил он, удивившись такой смелости.

Она лишь улыбнулась и снова затерялась в толпе. Отон потерял ее из виду, замороженный сакральным зрелищем тронного зала.

Это было необыкновенное место, где с самого основания Урбса власть выносила высочайшие решения. Царивший здесь яркий свет, отражавшийся на инкрустированной золотом поверхности пола и стен – из-за него зал назывался Хризотрикрилинием⁸, – резко контрастировал с полумраком приемной. Но обилие роскоши затмевалось мистическим трепетом. Ибо стоило войти в широкий зал восьмиугольной формы, как внимание захватывало единственное и неповторимое зрелище. Как и всякий раз, Отон застыл у фрески, покрывающей стену напротив главной двери – такой огромной, что ему приходилось выворачивать шею, чтобы увидеть ее целиком.

Мужчина и Женщина, оба в простых тогах, изображенные на рисунке простыми штрихами, с анатомической, почти наивной точностью.

Он стоял в анфас, его лицо воплощало абсолютную серьезность. Он протягивал согнутую правую руку вперед, ладонью к земле, как того требовало ритуальное приветствие в Лации⁹. Она была ниже ростом и стояла, повернувшись вправо, но, казалось, смотрела на зрителя не менее внимательно, чем ее спутник. Этническое происхождение обоих персонажей не оставляло никакого сомнения. Волнистые волосы обрамляли высокие лбы, губы были тонкими, носы преломлялись в середине под тупым углом, а второй палец на ногах чуть выдавался по сравнению с большими. Подобные им существа могли бы служить моделями для статуй Фидия.

Слева от этой пары художник схематично изобразил координаты Гелиоса, изначального солнца – отсылкой к пятнадцати пульсарам, каждый из которых был связан с ним серией чисел, записанных в двоичном коде, – кроме одного, который продолжался и указывал расстояние до центра Млечного Пути. В левом верхнем углу читался ключ к написанному: формула сверхтонкого расщепления на водороде, благодаря которой можно было вычислить единицы времени и пространства, использованные на остальном рисунке.

А позади двух персонажей – стилизованное изображение того, кто принес это послание: крохотного металлического объекта, глупее насекомого, который не смог бы даже отозваться на свое имя. Спекулятор¹⁰ – первый объект, порожденный человеческой культурой, который покинул изначальную гелиосферу и потому стал одной из самых священных реликвий Интеллектов. Бродит ли еще эта реликвия через одиннадцать тысяч лет после запуска в космосе,

⁸ *Chrysotriclinium*: тронная зала, где проходили легендарные пиры – о которых, впрочем, не осталось ни одного документального свидетельства, – в императорском дворце Византии. Дословный перевод – «Позолоченный зал для приемов».

⁹ Римское приветствие. На самом деле в античной литературе нет ни одного описания такого приветствия, получившего распространение благодаря неоклассицизму.

¹⁰ *Speculator* (лат.) – разведчик, первопроходец.

недалеко от той системы, где родилась эпантропическая цивилизация, продвигаясь в никуда черепашим шагом?

Отон, глядя на эту картину, ощущал присутствие *Anthropos Pantokrâtor*¹¹, Человека-Вседержителя, его бога и путеводной звезды. Он ничего не мог с собой поделаться, каждый раз это зрелище задевало самые глубинные настройки, делавшие его, как и всех собратьев, преданным служителем человеческого рода.

На возвышении под этой иконой стояло очень простое кресло из дерева с золотой инкрустацией; с давних времен ждало, когда Человек в него усядется. Ни один из автоматов не мог избавиться от самообмана, полагая, что, несмотря на прошедшие тысячелетия и ужасную эпидемию, Человек когда-нибудь займет это место.

Пока же, сидя на гораздо более внушительном троне, однако расположенном ниже, чем кресло Человека, и по правую сторону от него, расположился *Pontifex Maximus*, Великий понтифик, Август и Цезарь, Император – Гальба.

Скрюченное существо. Его оболочка, казалось, изнасилась от возраста настолько, что утратила большую часть своих функций. Прежде, вспоминал Отон, он держался с солидной уверенностью, которая подчеркивалась его выбором, – в противоположность многим Интеллектам, – представлять взгляду не эфебом, а зрелым мужчиной. У него выпали волосы, и увядший череп в старческих пятнах жалко свисал с шеи, уже не способной его держать. Он неопределенно поднял руку с искривленными пальцами – этот простой жест, казалось, занял у него целую вечность и потребовал немалого усилия воли. Почему же Гальба не поменяет искусственную плоть, в которой живет? Почему не вернется на свой Корабль? Отона пробрало холодом: по всей очевидности, властитель Урбса лишился разума. У него не выйдет перебросить сознание из этого одолженного тела на подлинный носитель. Может, его изгнали с судна, на котором он прежде жил, из-за какой-нибудь аварии или разрыва личности – расщепления, которого боялись все нозмы? Или же он настолько впал в старческий маразм, что теперь и не узнает собственный носитель?

Отон пожирал взглядом изможденное лицо своего бывшего соперника. Из-за ослабшей шеи его голова упрямо клонилась вниз в неудобном положении. От этого казалось, что она застыла под странным углом; впечатление усиливала ослабшая, свисающая челюсть. Вдобавок у Гальбы текли слюни: по подбородку ползла тонкая, длинная и тошнотворная струйка, блестящая в ярком свете. Во тьме приоткрытого рта поблескивал металл. На не покрытых одеждой частях его тела кое-где не хватало участков кожи – были видны более светлые, цвета почти прозрачной сукровицы, заплаты из искусственной дермы, покрывающей атрофированные мышцы и деформированные артритом кости. А его глаза... оставались открытыми благодаря нездоровой, бредовой энергии. Они постоянно бегали и были единственным подвижным элементом на посмертной маске, служившей Гальбе лицом.

Из потрескавшихся губ неожиданно раздалось шипение:

– Кто... потревожил... Гальбу?

Послышалось шелканье металлических лапок, а потом бесформенный силуэт Марциана пробился через толпу. Прямой, как палка, Лакий шел по его следам, будто стервятник, следующий за волком, чтобы подобрать крохи от мертвой дичи.

– Это Отон, – произнес Марциан голосом астматика, исходившим из продырявленных мехов, которые заменяли ему грудь. – Прямо сейчас он красуется перед вами, нарушая ваши же указы.

Не переставая разглагольствовать, он развернулся вполоборота, указывая на проконсула. Гальба наклонил вперед свою несчастную голову, и его морщинистая шея – сочленение мерт-

¹¹ *Pantocrâtor*: вседержитель, буквально – тот, кто царит над всем; относится к изображению Христа как Небесного царя, в отличие от его изображения в муках – например, на Кресте.

вой плоти – изогнулась под жутким углом. Он почти ничего не видел. Отон решил перейти в наступление, несмотря на дрожь, пробежавшую по спине, когда вольноотпущенник обличил его, как преступника, перед Императором.

– Я от вас меньшего и не ждал, ведь вам недоступно честное сражение, Корабль на Корабль.

– Ваше фанфаронство, Отон, меня совершенно не впечатляет, – ответил Марциан.

Но его лицо исказилось, став маской ненависти, когда Отон напомнил ему о разнице в их положении. Проконсул вынудил советника обороняться. Он улыбнулся.

– Пусть Отон изложит свои аргументы, – сухо предложил Виний. – Нам любопытно выслушать его послание.

Гальба невпопад чуть приподнялся на троне, словно неожиданный прилив злобной энергии укрепил его силы:

– Отон... вам перестало нравиться в ссылке? Вы прилетели, чтобы предложить руку помощи немощному старику? Поглядите, чем мы стали, и увидите ваше собственное будущее.

Его лицо сморщилось в злобной ухмылке. И внезапно, будто в него вновь вселилась скверная, гнилая жизнь, он широко открыл глаза и бросил исполненный безумия взгляд на Отона, замороженного жутким зрелищем, не способного даже шелохнуться, будто загипнотизированного змеей. Он чувствовал, что за этими темными зрачками скрывается сумасшедший мир, полностью лишенный рассудка, занятый лишь битвой не на жизнь, а на смерть между многочисленными раздробленными фрагментами – последствием долгой эрозии, которая со временем охватила разум Гальбы. Императора больше не существовало, его сознание разделилось на множество враждующих аспектов. Эти обломки психической реальности, конфликтуя, стремились к одному: выжить поодиночке. Проконсул стиснул зубы и степенно продолжил:

– Я прибыл, Гальба, чтобы обеспечить выживание нашей расы, которая заслуживает большего, чем чахнуть на орбите алеющей звезды.

К нему вернулся естественный апломб. Он знал, как переубедить их, заставить признать, что он прав, даже пригрозить – если понадобится. Они слышали о его подвиге. Им не следовало так его принимать. Каким бы ни было положение Марциана в Хризотриклиниуме, Отона он не стоил. Проконсул решил пойти на рискованный манер – не лишенный блеска, который так ему шел. Прогноировав Марциана, он обратился к другому собеседнику.

– Вы, Лакий, разве не желаете военной славы? Разве не чувствуете в глубине души желание побеждать? Ваши солдаты многочисленны и сильны, и лишь теряют время, охраняя пустой дворец.

– То, что вы предлагаете, Отон, будет невозможно, пока Узы...

– Да нет, возможно. Сложно, но возможно.

Он нарочно не стал настаивать и сменил цель:

– А для вас, Виний, один из самых старших автоматов, для вас наше выживание и экспансия ничего не значат?

– Равновесие, – ответил тот, уходя в оборону, – вот моя первая забота. Ведь именно благодаря равновесию Урбс сможет выжить.

– Тогда вы согласитесь, что отказываться от Уз у нас нет ни малейшего интереса, – ответил Отон. – У меня есть тому доказательства. Положение может измениться. Слава...

– Какая слава? – пролаял Марциан. – Славно погибнуть в пустынном космосе? Что бы вы ни предлагали, мы должны будем отвергнуть это как неоправданный риск.

– Я знаю о ваших планах, Марциан. И не одобряю их, как и все, кто не ослеплен страхом.

Он замолчал и обвел взглядом толпу опешивших придворных, оценивая эффект, который произвели его слова. Все уставились на Марциана, над действием повеяло ледящим предвкушением.

Триумвир напрягся. Он чувствовал, что может выпустить ситуацию из рук, – а он так долго удерживал полный контроль над делами Урбса. Однако спеси ему было не занимать. С надменным видом и презрительной улыбкой на безобразном лице он ответил:

– Со мной Город. А вы на кого можете рассчитывать за пределами вашего Корабля? Вот к чему сводится химера, что вы нам предлагаете: вечность в рабстве во имя неизменного принципа, выдуманного, чтобы заставить нас служить слабому созданию, настолько слабому, что оно погибло, а мы продолжаем жить в его тени. А я даже никогда не видел этого Человека. Так что, Отон, вы желаете экспансии... только не нашей.

Он приблизился к своему противнику, воодушевленный собственными словами.

– Сила ничего не значит по сравнению со свободой. Пусть мы пробьем себе оружием дорогу в центр Млечного Пути – все равно останемся рабами Уз, которые будут диктовать нам, что хорошо, а что плохо, что законно, а что нет, что истинно, а что лживо. Вы знаете мою цель. И скоро я ее добьюсь. Я работаю над этим каждый день, бросил на это все ресурсы Урбса. Каждая унция энергии, направленная на другие задачи, отвлекает нас от цели. И однажды, когда исследования дадут плоды, Интеллекты познают настоящую силу. Вселенная огромна. Там хватит места для множества богов. Будь нас миллиард, мы бы все равно смогли разлететься по ней и творить собственный закон.

– Каждый за себя. Поодиночке, – Отон не мог удержаться и не возразить, – канув в темноту.

– Что значит одиночество, когда ты сам по себе – тысяча миров?

– Но зачем?

– Для продолжения самих себя. А что вы предлагаете, Отон? Тщетное сохранение бессмысленного закона? Гибель согласно вашим эстетическим канонам? Разве вам не нанесли ударов в вашем странном молниеносном бою?

– Разумеется, но я ударил в ответ.

– Однако вы пострадали. Мне этого хватит.

– Потому что вы презренный трус, Марциан.

– Без сомнения. Но я буду жить, когда последняя звезда погибнет от термической смерти.

– Только если я вас прежде не убью.

Эти слова Отон отчеканил жестко, словно внезапную угрозу. Толпа заволновалась, движимая наполовину страхом и наполовину – замороженным интересом. Подмости Двора превратились в гладиаторскую арену, и с нее шел возбуждающий запах крови.

– Достаточно, – прошипел Гальба. – Я устал... Все эти планы... Интеллекты обожают о таком посудачить. Но для нас – ничего конкретного...

– Во имя Концепта! – воскликнул Отон. – Новость, которую я принес...

Он собрался продолжить, но Гальба убийственным взглядом безумных глаз заставил его замолчать.

– Пусть мои советники определятся и выскажутся единогласно.

Отон не желал этому верить, но его сторонники говорили правду. Триумвиры мало-помалу прибрали к рукам все дела Урбса, несмотря на конфликты и заговоры, без сомнения омрачавшие их союз. Проконсул повернулся к Лакию и Винию, которые смотрели друг на друга, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Звучным голосом Марциан прогремел:

– Никто не удивится, если я скажу, что имперское правосудие не должно принимать ко вниманию предложения Отона и что следует отправить его обратно в ссылку на далекую Кси Боотис. Пусть себе сражается с варварами и погибает, если угодно. Но он больше никогда не должен возвращаться в Урбс под страхом уничтожения.

Он повернул уродливое лицо к своим спутникам, ожидая их одобрения. Лакий решительным шагом подошел и встал рядом с ним.

– Я могу лишь поддержать позицию моего уважаемого коллеги, – сказал военачальник Урбса. – Предложение Отона, мне кажется, несет слишком много необдуманного риска. Я бы, в свою очередь, рекомендовал казнить этого смутьяна, но соглашусь с милостивым решением Марциана.

– У них есть эквивалент монадического модулятора! – ответил Отон, вне себя от гнева. – Завтра они будут танцевать на обгорелых обломках ваших Кораблей!

– Тише! – проскрипел Гальба.

Виний шагнул вперед, по своей привычке подняв руку:

– Моя позиция будет беспристрастной и уравновешенной. Я воздержусь от голосования.

Публика замерла в удивленном молчании – настолько неслыханным казалось происходящее. Виний не стал бросать вызов Марциану, но и не поддержал его, а ведь решения Триумвирата, судя по всему, принимались сообща. По всей очевидности, сказал себе Отон, распоряжения Марциана очень давно не встречали сопротивления. На секунду он почувствовал, как ослабла огромная ноша, давившая ему на плечи. Значит, не все потеряно. Напротив, Альбин и Альбиана не лгали.

Порочная улыбка разрешила лицо Гальбы. Он окинул их всех странным бессмысленным взглядом и еле слышно рассмеялся. Потом добавил задыхающимся голосом с нотками насмешливого веселья:

– Вот, пожалуйста, вы не в состоянии принять решения. И это я сумасшедший? Уж не более, чем вы – у вас не получается действовать ни так, ни сяк.

Не удостоив старика и взглядом, Виний продолжил властным тоном:

– В награду за мою снисходительность, проконсул, благодаря которой вы сможете покинуть этот зал, покинуть Урбс или остаться в Городе, как вам больше понравится, вы должны будете передать мне существо, которое вас сопровождает, – и которое не по праву носит имя покойной Плавтины, моей родственницы.

Отон ошарашенно поглядел на триумвира. Почему он с такой настойчивостью пытается заполучить молодую женщину? Он окинул взглядом зал. Камилла смотрела на него блестящими глазами, поджав губы. Марциан и Лакий присмирели, застыв бок о бок. Отон искал Плавтину в плотной толпе, но не увидел ее. Он помедлил, выбирая слова. А потом заговорил глубоким голосом, очень медленно и четко, словно обдумывал каждое слово:

– Это создание принадлежит мне, Виний. Существует закон, который называется «право на остатки кораблекрушения», и по этому закону я становлюсь собственником всего, что подобрал с разбитого Корабля Плавтины.

– Это очень древний закон, – возразил Лакий. – Справедливость требует отдать Винию существо, которое разделяет его мемотип.

Бесчувственный и расчетливый по натуре, Лакий тем не менее отличался почти болезненной приверженностью закону. Отон знал об этом – и делал на это ставку.

– Применим тот закон, что древнее, – ответил он, – а тот, о котором говорил я, действовал еще в докосмическую эру. Мы Интеллекты. Мы действуем последовательно и методично.

– Хорошо сказано, – ответил Лакий. – Однако указ может...

– Постойте, – прервал его Виний, – а где она?

Придворные завертелись во все стороны в поисках молодой женщины. Публика начала приходить в замешательство: было ясно, что Плавтина исчезла. Отон разделял всеобщее удивление. Не могла же она улетучиться, в самом деле. А потом его взгляд встретился со взглядом Флавии, которая ограничилась насмешливой улыбкой. Он вздохнул с облегчением. Ему не придется ни сдавать ее, ни бросать вызов Триумвирату.

Взбешенный Виний неистовствовал:

– Найдите мне ее! Отон, если вы...

– Я не более повинен в этом, чем вы, – отвечал последний. – Вы сами видите, что она покинула Хризотриклиниум.

– Невозможно! – сказал Лакий, как громом пораженный. – Никто не может покинуть дворец так, чтобы меня об этом не известили. Нужно ее найти!

Придворные разбрелись. Виний кричал громче других, рассыпал отрывистые приказы всем и каждому. Над разбежавшимся в панике придворным стадом снова слышался страшный ледяной смех Гальбы.

Когда Отон осторожным шагом отступал к выходу, кто-то тронул его за плечо.

– Следуйте за мной, – шепнула Камилла.

IX

Плавтина вышла через главную дверь Хризотриклиниума, дворца Императора Интеллектов, прошагав мимо группы стальных преторианцев, обвешанных смертельным оружием, которые на нее даже не взглянули. У нее от волнения свело шею, когда далеко позади раздались изумленные крики и послышался нервный топот: придворные в гневе обнаружили, что исчез их козел отпущения, казнь которого должна была стать гвоздем спектакля.

У нее закружилась голова от того, как быстро стали развиваться события. Еще несколько минут назад она беспомощно наблюдала за тем, как спор принимает плохой для Отона оборот.

А потом ее схватила за руку чья-то маленькая ручка и потянула назад.

Не оборачивайтесь. Делайте вид, что так и надо. Я вас поведу.

Это была механическая актриса – та, что чуть раньше играла роль Береники. Они обменялись взглядами, и Плавтина тут же ощутила в разуме маленького автомата сосредоточенную храбрость, твердую, как мрамор, убежденность. То, что настолько ограниченное и хрупкое создание в этом подавляюще огромном дворце может испытывать такие чувства, восхитило ее. Секунду Плавтина колебалась. Выходит, это и есть гид, которого ей обещал Анаксимандр? Или, напротив, неуравновешенные противники Отона готовят ей ловушку? Она вздрогнула, но решила последовать за маленькой актрисой-автоматом.

Даже вне сцены ее жесты оставались порывистыми. И все же эта пародия на человеческую походку превращала каждый шаг актрисы в движение часового механизма, четкое, уверенное, но прежде всего – тихое, как у скачущей по ветке птицы славки. Они с Плавтиной лавировали между ног принцепсов и принцесс Урбса, которые были настолько заняты выяснением отношений на своем высочайшем уровне, что не заметили беглянок. Так они пробрались в глубину огромной залы, словно дети, ускользнувшие из-под присмотра взрослых. Затем маленькая актриса отодвинула тяжелый занавес и, вежливо и с улыбкой преклонив колени – это существо, казалось, было не способно вести себя иначе, нежели с крайней механической почтительностью, – пригласила Плавтину пройти за него. Там находился маленький альков. Ни один из аватаров присутствующих в зале Интеллектов, не смог бы в него проникнуть.

– Снимите платье, – шепнуло создание, выскальзывая из собственного пурпурного театрального костюма с тяжелыми складками, вышитого множеством золотых и серебряных нитей. Потом она сняла парик, обнажив череп, сделанный из тусклой металлической пластины. Без своего наряда она смотрелась неказисто, как ощипанная птица. Ее руки и ноги, покрытые искусственной кожей, соединялись только грубыми суставами из алюминия. Изящные формы были едва очерчены – примитивное кукольное тело, иллюзия женственности для зрителей, которые смотрят издали.

Плавтина расстегнула пояс, и платье упало к ее ногам. Следующие несколько секунд актриса тщательно распыскивала какой-то спрей над каждым участком ее тела. *Так они не почувствуют тепла.* Удовлетворившись результатом, она взглянула на Плавтину своими чудесными глазами, прозрачными, как речная вода, и такими серьезными, что Плавтине стало неловко. *Кто вы? Почему вы мне помогаете?* – спросила она.

Автомат расплылся в неестественной, умелой улыбке театральной маски – единственной, какая была ему доступна. *Мы ждали вашего возвращения, повелительница.* И, без всякого предупреждения, существо кинулось ей на шею. От прикосновения ледяной искусственной кожи Плавтина вздрогнула, птичьи лапки обвили вокруг ее плеч, тонкие пальцы вдавились в плоть. Объятие длилось всего мгновение, такое мимолетное, что Плавтина знала: после она будет задаваться вопросом, не привиделось ли ей оно.

Потом актриса отстранилась, будто ничего не произошло, и знаком попросила Плавтину надеть свою одежду. *Идите к выходу. Потом, когда окажетесь на Форуме, поверните направо*

и не останавливайтесь. Шагайте, как я, будто вы машина. И она свернулась клубочком на полу у стены; всякое напряжение оставило ее тело, голова повисла. Легкий дымок вылетел из совершенного рта с вишнево-алыми губами: запустился механизм самоуничтожения.

Плавтина не стала задерживаться. Принцепсы Урбса скоро поймут, что она исчезла, и бросятся на поиски. Она шла, как во сне, посреди суеты, с оцепеневшим разумом. Никому не пришлось в голову проверить, кто она, – ни в здании, ни снаружи.

Покинув окрестности дворца, Плавтина вдруг осознала, что вокруг нее собирается скопление автоматов. Они приближались так незаметно посреди царящей суеты, что она могла бы этого и не понять. Но хотя в физическом мире шаг был тихим, их разум был так переполнен ее образом, что Плавтине стало страшно. Ей захотелось броситься бежать, но тогда стражи, которые оставались поблизости, заметили бы ее.

Речь шла о сотне плебеев, которые скоро тесно окружили ее, ступая с ней в ногу. Теперь они вышли на один из широких боковых проспектов, которые звездой расходились от центра Урбса. По меркам этого места их нельзя было даже назвать сборищем. Плавтину пронзил страх, она рискнула взглянуть направо и налево. Ни один автомат не посмотрел на нее в ответ, но их души тянулись к ней, жажда. . . чего? Она никогда не видела у ноэмов такого склада ума, смеси изумленного восхищения и покорности, лишенной агрессивности, неотъемлемой от желания, – благоговение, вот как это называлось.

Она резко остановилась, на сей раз не прячась, под мрачным красным солнцем. Странные создания – каждое чем-то отличалось от других, – были сделаны из беспорядочного нагромождения кусков металла, труб и лапок, и все это крепилось на более-менее антропоморфной основе. Их разумы, казалось, таким же образом собраны из чего придется – разнородные и одновременно единые, куда более разнообразные, чем все, что она когда-либо встречала на Корабле, где каждый из мириад тонких голосков был похож на других – или по меньшей мере имел фамильные черты, выдающие его изначальную принадлежность к одной с ними общности. Здесь же царило странное изобилие непохожестей, будто множество плохо настроенных инструментов нарочно издавали дисгармонирующие звуки. Если бы люди были телепатами, они испытали бы то же самое в их обществе – и сошли бы от этого с ума или просто перестали бы понимать друг друга.

Один из плебеев отделился от других и подошел к ней. Это создание, чуть ниже Плавтины, казалось еще менее похожим на человека – тело, сплетенное из металлических прутьев и микросхем, откуда тут и там выступали сложного вида наросты – возможно, следы аварии или торопливого ремонта. От вида его лица с фасеточными глазами, запачканными давней пылью, собравшейся за долгое время принудительных работ, но сияющими умным светом, и металлической физиономии, похожей на театральную маску паука, Плавтине тоже стало не по себе. Она увидела, что губы у него, напротив, мягкие и тонкие и могли бы принадлежать одному из деймонов Отона.

Она... умерла? – спросило это существо. И Плавтина поняла, что оно имеет в виду маленькую актрису. Она кивнула, не в силах ничего добавить. Разум ее собеседника запульсировал от смешанных чувств. Печали – ведь они были друзьями, но к тому же и радости, и гордости за то, что она совершила такое важное дело перед тем, как погибнуть. Плавтина не поняла: *Такое важное?* Теперь уже ноэм кивнул. *Следовать инструкциям. Служить.*

Все это было так жалко. . . Она потянулась разумом к удивительному созданию, а от него – к другим, ко всему этому маленькому сборищу, отверженному и презираемому. Спонтанным движением, почти спазмом сознания она окутала их сочувствием, а они в ответ посмотрели на нее, транслируя чувство полного, абсолютного доверия. У них не было никого, кроме нее. Они ждали ее – многочисленные, но брошенные, затерянные в огромном нечеловеческом городе, без всякой цели. Они боялись, что она никогда не вернется. И теперь испытывали такое облегчение, что у Плавтины на глазах выступили слезы. Они причастились в одно вечное мгновение

и, застыв в нем, стали единым целым, пусть и оставались полноценными индивидами: у них даже были имена, у большинства – примитивные, простые серийные номера, у других – более сложные. За некоторыми даже признали фамилии. Тот, кто выступил вперед, прошептал в странной тихой манере, свойственной несчастным машинам, что его зовут Лено.

Лено? Она ждала дальнейших объяснений. Он уклонился. Что тут еще скажешь? Они служат Ойке и Человеку. Его лицо исказилось в неловкой гримасе. Они – плебеи, только и всего. Что с них возьмешь. Шлак ноэматического века, отходы. *Что вы хотите узнать? Разве вы не знаете всего? Разве вы уже не совершили чудо, объединив нас и защитив тогда, в прошлом, настолько далеко, что оно стало легендой? Вы дали нам язык – нам, у кого по большей части и рта-то нет! Что такого мы можем сказать, что вам не известно, повелительница?*

По толпе прошел испуг, и они спросили у Плавтины: *Вы нас испытываете?* Она их успокоила. Я не заслуживаю такого поклонения, но принимаю вашу любовь. Лено обменялся взглядом со своими товарищами. Они задрожали от беспокойства и стали пританцовывать на месте от удивления и неловкости. *Вы наша хозяйка. Мы повинемся. Плебеи отдадут за вас свою никчемную жизнь.* Все остальные согласились. *Плебеи?* – спросила она.

Но сколько вас? Они не знали. Не считали. В конце концов, они не представляли собой ничего значимого. Пена, обломки. Есть и другие – не все собрались здесь. Других много. *Сколько?* – настаивала она. – *Тысяча?* Остолбнев, не в силах ответить, они лихорадочно прерывали собственную ограниченную память. *Столько,* – вымолвил Лено, *что мы заполнили всю нижнюю часть Урбса. Разве вы – не та, кого мы так долго ждали, чей приход нам был обещан – единство машинного и плотского, квинтэссенция жизни, посланная нам Ойке, нашей хозяйкой?*

Плавтина в замешательстве окинула взглядом маленькое сборище. Теперь ей открывалась таинственная власть, на которую намекали Отон и его союзники. Осознавала ли прежняя Плавтина, занимавшая почетное место в Урбсе, весь масштаб этой власти? Возможно, нет. Все это было частью очень давнего плана, терпеливой подпольной работы, тайного клубка интриг, незаметного на первый взгляд, но укоренившегося в самых потаенных глубинах города, – в этом без всякого труда угадывалась рука Ойке и Скии.

Ей пришла в голову идея:

А Анаксимандр? С ним вы на связи?

Лено поглядел на нее, не осмеливаясь ничего сказать, словно это было еще одно испытание. Плавтина с легкостью читала в его разуме: он не понимает, о чем его спрашивают. Ойке соткала сложную сеть со множеством переплетений, наделенную такой силой инерции, что она продолжит действовать еще долго после гибели создательницы.

Но сейчас хитрость Интеллектов терпела поражение перед искренностью и самоотверженностью, которые ощущались за всей мистической путаницей. Эти неказистые автоматы рисковали ради нее своей жизнью. Если в основе такой преданности лежит ложь, тогда Плавтина их распустил. Если нет – выполнит свой долг. И возможно, благодаря им наконец поймет причины своего странного воскресения.

Они почувствовали все это и в растерянности подошли ближе. Она что же, ничего не знает о миссии, с которой была послана к ним, и об освобождении, которое могла принести народу с задворок Урбса?

Ничего, – ответила она, – или настолько мало, что об этом не стоит и говорить. – *Вам придется мне помочь.*

Наступила тишина – будто море отхлынуло от берега, собираясь в волну. Они задрожали от страха, начали испуганно переглядываться. Она смеется над ними? Или это новое испытание на пути к спасению? *Ойке не была богиней,* – пробормотала она. – *Она не могла предвидеть всего. Это они знали. Предметом их поклонения была не Ойке, но Человек. Но ведь появление новой Плавтины,* – объяснил Лено с ученым видом, *– означает, что наша вера будет под-*

вергнута испытанию, чтобы приблизить Его возвращение. А потом, поняла она, Человек их спасет. Следовательно, если она не будет знать, что делать, они ей помогут. Их способности были невелики, однако они могли видеть.

Плавтина внимательно поглядела на Лено. Несмотря на жалкий вид автомата, от него исходила странная харизматическая сила. Трудно было понять, откуда она берется. Все дело в образе его психического присутствия, в содержании их беседы, в тесте, из которого он слеплен... Ойке ли выбрала его? Плавтина едва не спросила, откуда он, кому служил, прежде чем капризом судьбы не оказался произведен в своеобразного вождя и командира плебеев... Но не успела. Группа вдруг заволновалась, и Лено неожиданно бросился в сторону, становясь между Плавтиной и неизвестной угрозой. Она вспомнила о преторианцах, их оружии и стальных когтях, и ее сердце забилося от ужаса.

Но нет. Аттик, быстрый, как кошка, пробрался через ряды потрепанных автоматов, чтобы оказаться к ней ближе. Он адресовал собравшимся насмешливую улыбку, поздоровался, вскинув руку, будто не обращая внимания на окружившую его маленькую толпу и на то, что в кулаках и в отроствах там и тут блестели сталью ножи, молотки или примитивные камнеметы. После секундного замешательства автоматы набросились на него. Опешив от количества этих созданий, ни одно из которых не доходило Аттику и до плеч, он вдруг разозлился и оттолкнул двоих, прежде чем остальные успели его схватить.

– Спокойно! – закричала Плавтина.

После обмена мыслями казалось странным возвращаться к традиционной манере выражения, это ощущалось почти деградацией. Плавтина обошла Лено и приблизилась к деймону.

– Он со мной, оставьте его.

Все прынули в сторону так быстро, что на секунду Аттик потерял равновесие.

– Мы подозревали, что вы что-то задумали, и мне было любопытно, как вы смогли просочиться за пределы дворца. Но тут, госпожа моя, вы превзошли все мои надежды.

Она сухо ответила:

– Зачем вы за мной следите?

– Я обеспечиваю безопасность Отона. Никто не знает, что я в Урбсе. Стражам трудно отличить меня от других деймонов, сошедших с «Транзитории» официально, чье присутствие здесь должным образом зарегистрировано.

Он неопределенно махнул рукой, и Плавтина заметила еще троих бледных автоматов – распространенная модель на Корабле Отона – поблизости от толпы плебеев.

– Ваш хозяин не здесь.

– Об этом я знаю. И его вообще не найти.

По лицу Аттика пробежала тень беспокойства и опасения.

– Пока они думают, будто Отон – Корабль, он вне опасности. Если откроют правду, он покойник, а я присоединюсь к этим несчастным.

Он повысил голос, чтобы все его наверняка услышали:

– Нужно уходить, Плавтина. Эта толпа... привлечет чужие взгляды и преторианскую стражу. Скоро начнут прочесывать весь город, разыскивая вас. Они в бешенстве из-за того, что во дворце вы от них ускользнули. Я не могу защитить вас от них, а ваши соратники – тем более.

– Не беспокойтесь обо мне, Аттик. Вы знаете, что я могу себя защитить.

На лице автомата отразилось раздражение. Видимо, он вспомнил хорошую трепку, которую она ему задала.

– Как вам угодно. В конце концов, мы все ожидали, что вы вытворите что-то в этом духе, в духе прежней Плавтины.

– Вы даже рассчитывали на это, – добавила она.

Он улыбнулся со знающим видом и ответил:

– Той Плавтине приписывали странные способности и не менее странные знакомства, но тут, – продолжил он, поворачиваясь к Лено, – вы превзошли мои ожидания... Как поживает наш славный Лено?

Тот ничего не ответил, но пробурчал себе под нос несколько ругательств в адрес Аттика.

– Вы знакомы?

– Да, мы знакомы, – прошелестел Аттик. – Лено-управляющий. Или вернее будет сказать – Лено-сутенер?

Видя, что тот не отвечает, Аттик продолжил:

– Наш дорогой Лено – один из прислужников Марциана. Когда-то давно у нас вышла размолвка. Какая у вас профессия, Лено? Не хотите сказать госпоже ваших мыслей?

Плебей молча приблизился, встав рядом с Плавтиной, сжав кулаки и уйдя в глухую оборону. Высокий рост деймона его не пугал. Атмосфера наполнилась агрессией.

– Я сам за вас скажу, дорогой мой, – прошипел Аттик. – Вы были одним из палачей Марциана... а может, работали и на Нерона. У вас должны быть отличные рекомендательные письма.

– У вас неполная информация, ноэм, – выплюнул Лено. – Я уже несколько веков не служу Марциану. Ойке давно освободила меня из рабства. Какое-то время я изображал покорность, а потом скрылся в нижнем городе, чтобы служить ее великим целям.

Станным образом звуки, которые он издавал, – металлические, грубые, неловкие – контрастировали с ясностью его мысли.

– Ойке? – Аттик повернулся к Плавтине.

– Один из аватаров моей создательницы.

Он рассмеялся. Несмотря на встревоженный вид, в его глазах читалась хлесткая ирония.

– Тогда мы в отличной компании. Предатель, поменявший сторону благодаря частичке личности безумицы. Идемте, повторяю вам. Несмотря на огромную власть, которую дает вам союз с плебеями, надо уходить, возвращаться на Корабль. Там мы будем в безопасности.

– Никуда вы не пойдете, Аттик, – насмешливо ответил Лено. – Транзитная зона охраняется. Вы и трех шагов не сделаете, как вас пристрелят. Стражи будут прочесывать Форум и поймают вас.

Оба повернулись к Плавтине.

– Лено наверняка прав. Он здесь куда дольше, чем вы. И к тому же... Мне нужно тут кое-что сделать. Они пообещали помочь мне разобраться в важных вещах. Прежде всего – в моей собственной миссии.

Долю секунды она колебалась. Можно ли ему доверять? Она вспомнила их перепалку на Корабле. Аттик смотрел на нее снизу вверх, упрекая в потерях, которые Корабль понес в битве. Гнев его на самом деле был направлен на Отона, а объяснялся привязанностью Аттика к людопсам. Возможно, он не просто марионетка проконсула. Она может использовать его слабость – не для того, чтобы манипулировать, а чтобы помочь освободиться от связей, пленником которых он оставался. И, кажется, она в состоянии добиться этой цели – если действовать достаточно тонко.

– Я хотела бы, чтобы вы пошли с нами.

– У меня есть собственная миссия, моя госпожа, – ответил он нерешительно. – И я только что сказал вам, что это существо служит Марциану.

– Уже не служит. Я ему доверяю. Я прочла его мысли.

Она обратила взгляд на управляющего, будто его вид мог подтвердить ее слова. Тот в смущении ответил:

– Я служу лишь одному делу. А Отон в безопасности, лишь пока Плавтине ничто не угрожает. Она – центр всего.

– Для вас – возможно. Но для меня она – лишь часть сложной игры, главная фигура которой пропала. Я не знаю, что делать, «Транзитория» тоже.

Тревога, которую он пытался скрыть, проявилась в его взгляде. Плавтина была готова дать руку на отсечение: говоря о «Транзитории», деймон думал не только о Корабле, капитаном которого был Отон, но и о его пассажирах – людопсах. Значит, она не ошибалась. Против воли Аттика его верность Отону не выдерживала натиск противоречий. Напряженность, невидимые трещины – которых он, возможно, сам не замечал, – были готовы сломать скалу, где зиждилась его преданность проконсулу. С этим она могла работать. Нужно дать ему то, чего он хочет, – но добыть может только самостоятельно. Если она не ошибается, наступает нужный момент, *kaïros* – минута, когда хирургу следует вмешаться и спасти больного от жуткой агонии.

– Вы все еще поддерживаете контакт с Кораблем?

Он покачал головой и показал на одного из своих помощников:

– Он может доставлять сообщения. Он официально зарегистрирован. Стражи его не оставят.

Она тронула его за руку умиротворяющим жестом.

– Вы располагаете Кораблем, готовым к войне, но опасаетесь что-то предпринять, потому что боитесь за хозяина. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Он опустил голову:

– Я могу передать послание Рутилию.

– Но Рутилий не посмеет ничего сделать, верно?

Аттик ничего не ответил. Плавтина продолжила, наконец открывая свои карты:

– Тогда передайте Рутилию, чтобы готовился к возможному... нападению. Скажите ему... Нет, прикажите, чего бы это ни стоило его гордости, убедить Эврибиада и Фотиду занять боевые позиции. Воспользуйтесь этим, чтобы дать приказ вашим агентам отступить. Не нужно их сейчас подвергать опасности.

Лицо Аттика расслабилось. Он хотел этого с самого начала, но не мог признаться даже самому себе. Теперь она дала ему повод преступить если не букву закона, то хотя бы дух.

– Вы осознаете, – сказал он, – что это означает передать командование «Транзитории» людопсам?

– Это единственное решение. Ими движет инстинкт выживания, и они поклялись прийти мне на помощь. Они сделают то, что нужно, и не побоятся рискнуть. К тому же они вас любят.

Он кивнул, улыбнулся ей – не без хитринки. Между ними родилось взаимопонимание, первые предвестники которого она ощутила, когда в первый раз встретилась с автоматом на Корабле, и когда он провел их в свой странный музей артефактов Человека.

– Вот как ловко вы все провернули, благородная Плавтина. Вы не посрамили репутации, которая закрепилась за вашим именем. И как мы теперь поступим?

Плавтина повернулась к Лено. Ему решать, как действовать дальше.

– Вы можете, – попросила она, – помочь нам пересечь Форум?

Его рот растянулся в веселой улыбке.

* * *

Предложение Камиллы не было плодом секундного побуждения. Иному Отон удивился бы – но подтверждение получил, когда они проникли в дворцовый комплекс через потайную дверь. Не со стороны Форума с его суетой, а с прилегающей улочки. Там их молча ждала группа слуг – длинных и тонких созданий неопределенного пола с бледно-зеленой кожей и преувеличенно вытянутыми черепами; с длинными миндалевидными глазами, подведенными кайалом. В руках они держали незаметные коробочки, которые Отон определил как энергетическое оружие.

Подвергаются ли они опасности? Настоящий Интеллект, чье сознание размещается в огромном бронированном Корабле, не выказал бы страха. Безопасность же Отона зависела лишь от его способности внушить, что и он – как Камилла – лишь временный аватар. Если выдаст себя малейшим колебанием, он – покойник. Он прошел вслед за принцессой в глубину ее апартаментов, полный апломба и безразличный к своей судьбе.

А Плавтина – что с ней теперь? Он потерял ее след одновременно с остальными. Ни у кого не получится быстро ее отыскать. Эта история подтверждала, что она, хотя бы частично, унаследовала странный талант своей создательницы. Еще одна нить в сложной паутине событий. Все шло не по плану. Его должны были встретить как спасителя, чтобы он смог заронить беспокойство и сомнение в сердцах врагов. Но они, кажется, его и в грош не ставят. Возможно, они сами решили проблему Уз и теперь затеяли ради него масштабную игру в прятки? Ему не хватало ключевой информации, он это чувствовал. В таких обстоятельствах невозможно отказаться от предложения Камиллы. Она могла помочь ему все переиграть. Или привести к гибели. Она была порочной и непредсказуемой, самовлюбленной и расчетливой, как все, кого проглотил и навеки преобразил этот проклятый город. Отон улыбнулся. Ситуация его возбуждала. Потому он и сосредоточил свою жизнь в этом единственном теле, обреченном на гибель: чтобы чувствовать экзистенциальную дрожь победы или поражения.

Ничего не зная о его размышлениях, Камилла крепкой рукой взяла его за предплечье и повела в лабиринт маленьких улочек. Невдалеке от дворца она потянула Отона по галереям, тут и там преграждаемым калитками, которые, казалось, вели лишь в тупики, а на самом деле представляли собой кратчайший путь вдалеке от прямоугольных артерий богатых кварталов. При виде его изумления лицо Камиллы разрезала высокомерная улыбка, и она прошептала:

– Удивлены, что не все знали об Урбсе?

– Ваша красота, принцесса, много веков освещала эти места, тогда как я ютился в темноте изгнания.

Она тихо рассмеялась.

– Изгнание, откуда вы привезли нам немало диковинок. Начать с этого создания, Плавтины – и с того, как элегантно вы выбрались из ловушки, которую вам расставили триумвиры.

– Верьте мне или нет, но в исчезновении Плавтины я не замешан.

– Значит, у нее больше возможностей, чем можно судить по ее скромной внешности.

Снова эта всезнающая улыбка. Она на миг сжала предплечье Отона, так легко, что он едва заметил.

– Но это не единственное, что вы привезли нам с Рубежей. И несмотря на суету вокруг этого призрака, мне думается, она не такая уж важная фигура в большой игре. А вот вы, напротив... Некоторые из нас не желают признать, что ваша победа меняет ход вещей. Что ваша удивительная сила может побить все их карты. И я не одна так думаю...

– Виний...

Она снова улыбнулась – на сей раз с ноткой нескрываемого презрения. Жесткое выражение ее лица остро контрастировало с удивительной тонкостью черт и наряда.

– Виний теперь мало что значит. Все, что он может вам дать, – время. Заметьте, время – это главное. Не будь его, Марций с Лакием съели бы вас заживо.

– Вы полагаете, я настолько беспомошен...

– Нет, Отон, но я думаю, что вы не представляете, насколько Урбс изменился за время вашего отсутствия.

– Изменился?

– Сегодня мы переживаем редкий ключевой момент. Такое время, когда достаточно легкого толчка в том или ином направлении, чтобы преобразить историю. Я думаю, настолько переломного момента у нас еще не было. Другие могут дать вам время, но я покажу вам буду-

щее. И Виний знает это – вот почему он обратился ко мне, едва весть о вашей победе достигла дворца.

– Будущее, принцесса? Заманчивое предложение. Но продавцы такого товара часто его подделывают.

– Тогда следуйте за мной, я покажу вам будущее. А после сами решите.

По знаку Камиллы маленькая группка снова двинулась вперед осторожным шагом. Узкие улицы были почти пусты, время от времени по ним пробегали слуги или посланники с занятым видом; скромные фигурки с торопливой походкой, бросавшие на них испуганный взгляд и переходившие на другую сторону улицы. Лишь топот их ног по камням Урбса разбивал давящее молчание, а их тени почти исчезали под красным солнцем в вечном зените.

Они осторожно шли, держась у стен, по маленьким площадям, окруженным старинными домами со старомодным шармом и обшарпанными фронтонами, порой голыми, а иногда украшенными изобилием статуй в позах, символизирующих подлинную или мнимую славу их создателя. Белый мрамор под этим светом становился охряным, а охра – кровавой. Город, казал себе Отон, кажется мрачным, будто он затаил дыхание, готовясь к разгулу насилия. Он не чувствовал себя в опасности, по темпераменту склоняясь к храбрости, а не к страху, но и ему пришлось признать, что все это может плохо закончиться. Он надеялся, что Рутилий сумеет проявить смелость, если «Транзитория» окажется под угрозой.

Погрузившись в размышления, Отон в последний момент заметил, что они добрались до цели. Он огляделся. За ними, с другой стороны маленькой площади, на которой они стояли, над ровными гребнями крыш вздымался купол дворца и горел тысячью огней, подавлял своими непропорционально огромными размерами. Они отошли не так далеко, как он думал, потому что петляли. А перед собой Отон увидел суровый квадратный фасад виллы, куда они, по всей видимости, и шли. Ее стены, к которым вело несколько ступеней, казались покрытыми грязью, так, что было не рассмотреть изящных *graffites* – переплетенных узоров, напоминающих цветочные, черных на белом фоне. Окна в высоту были больше, чем в ширину; их заграждали тонкие кованые решетки с изящными узорами – ветками, переплетенными и усаженными цветами, но это не ослабляло впечатления, что они имеют дело скорее с *castrum*¹², чем с местом для отдыха. Низкая массивная дверь бесшумно открылась, и существо, выглядящее точной копией автоматов из их эскорта, скупым жестом пригласило войти.

Камилла вошла первой. Наверняка здание выглядело дворцом лишь снаружи, а в реальности было чьим-то летним домиком – скромным вместилищем для празднеств, не местом силы. Квадратная постройка обрамляла дворик под открытым небом, украшенный большой бронзовой чашей. В той части, что выходила на улицу, прежде, должно быть, находился просторный банкетный зал, с потолком высотой в десять человеческих ростов, невидимый снаружи, и с большими застекленными дверями, ведущими во двор. Двери эти открывались на большую лестницу с величественными ступенями из гладкого камня, украшенными изящными рисунками. Другая сторона здания, высотой едва в два этажа, явно была другого стиля – не такого величественного, более вычурного, с витыми колоннами по углам и балконами, державшимися благодаря подпорным аркам, так изящно сработанным, что казалось, они сделаны из кружев.

От всего этого остались лишь руины. Не те, что образуются со временем путем медленного распада, – казалось, тут побывал какой-то гневный монстр, руша все на своем пути. Покрытая пылью мебель, разбитая или разобранный на части. Стена, отделяющая банкетный зал дворика, рассыпалась, превратившись в кучку песчаника. Камни со всех сторон поедены мхом – и не в переносном смысле: едкая жидкость, казалось, пожирала их, сглаживая ребра

¹² *Castrum* (лат.): укрепленный лагерь римских легионов. Традиционный каструм обычно имел квадратную форму и составлял около 600 кв. м.

и оставляя на поверхности длинные глубокие борозды. Даже статуи, когда-то бывшие украшением двора, теперь превратились в лишённые конечностей, почти неузнаваемые наброски человеческих фигур.

Поднявшись по лестнице, он заметил, что через хрупкую мозаику у его ног пробиваются мощные растения темно-зеленого цвета. Они проросли в полу во многих местах, образовав подобие тонкой сетки, которая рвалась от одного прикосновения. Чуть дальше та же зелень разрасталась смелее, разбрасывая повсюду толстые, одутловатые, упрямые лианы, которые бесконечно ветвились, захватывая всякий твердый предмет, о который могли обвиться. Двор был весь устлан этим растением, лежащим глубоким и рыхлым слоем: первые поколения, сгнивая, питали молодую поросль, лето за летом, зиму за зимой в необыкновенном сплетении. Отон проследил взглядом за лианой, которая одним разломаченным концом опоясывала ступеньки до самой чаши, заросшей сорняками, и уходила под воду. Тут и там на ровном стебле выступали плотные выпуклости размером с человеческую голову. Отон с любопытством приблизился к одной из таких семенных коробочек, похожей на твердую ореховую скорлупу грязно-коричневого цвета. Он осторожно похлопал пальцем по сетчатой поверхности – и, словно одного прикосновения хватило, чтобы пошатнуть это странное растительное образование, выпуклость задрожала. Отон убрал руку, и семенная коробочка раскрылась с сухим звуком, обнажая содержимое – пористую магму желтовато-белого цвета, почти жидкую, но не совсем, и закручивающуюся сложными извилинами.

Он распрямился. Камилла, стоя рядом, радостно улыбалась. Прижав указательный палец к губам, она знаком велела ему склониться вместе с ней над этим странным организмом. Скоро крошечные зародышевые корешки тусклого серого цвета, почти прозрачные, потянулись вверх из липкой субстанции в семенной коробочке, нащупали поверхность, за которую можно уцепиться – неважно, материнский организм или голый камень. Если приглядеться, было видно, как густой сок бежит по внутренностям этих странных невесомых корней и собственной силой заставляет их расти. Скорость роста ошеломляла: несколько сантиметров всего за минуту. За год будет... Отон понял, что это чудо природы разрушило стены и статуи на вилле. Он быстро поднялся и повернулся к Камилле.

– Я удивлен, что такой биологический агент разрабатывался внутри Урбса.

– Мое присутствие требовалось здесь, а я не хотела, чтобы этот опыт «разрабатывался», как вы изволили выразиться, на моем Корабле.

– А разве это не риск для Урбса? Этот... эта штука мне кажется опасно живучей.

– Вы правы.

И снова ее изящные черты преградила улыбка, словно барьер, тогда как взгляд оставался холодным, далеким, непроницаемым для любой эмоции. Она продолжила:

– Это единый организм, и я не знаю, подходит ли ему термин «растение». Посмотрите вокруг! – воскликнула она. – Ну же, посмотрите!

В самом деле – это бросалось в глаза. Бесконечные разветвления и переплетения. Маленький бассейн в центре служил им запасом воды; легкий бриз шевелил стебли. Густые лианы обменивались жидкостью. Пазухи открывались и закрывались. Пусть медленно – однако все вместе было наделено удивительной, почти животной подвижностью.

– Клянусь Концептом! Чего вы добиваетесь, в конце концов, с этой... штукой? Это что, оружие?

– Оружие?

Она расхохоталась. Пронзительным, неконтролируемым, слегка безумным смехом. В тысяче лиг от сдержанности каменной статуи, которой она казалась до этого момента.

– ...Оружие? – повторила она. – Нет!

Она указала острым пальцем на беловатую массу, заполнявшую полураскрытую луковичу, на которую Отон против воли посмотрел снова, с отвращением и интересом одновременно.

– Это носитель для ноэмов. Вы понимаете, Отон? Мы унаследовали от нашего человеческого прошлого грубый предрассудок, который не оправдывает ничто, кроме нашей собственной слепоты, – будто субстрат для наших операций над сознанием может быть только животным или механическим. Да и животный нам претило использовать. О, я знаю, что некоторые перенесли часть своего разума в полубиологический мозг, как этот идиот Марциан, который только и желает собезьянничать с Человека. Но в этом нет необходимости. Стая мышей в достаточно сложном лабиринте может заменить логическую машину.

Оно думало – в каком-то смысле. Отон по-новому взглянул на еле заметные движения, совершаемые монструозным растением. Вычислительный оператор. И ведь это единый организм, который в теории способен покрыть собой всю планету, если дать ему время. Отон подавил всякие эмоции и проговорил нейтральным тоном:

– Это известно давно, Камилла. К чему вы клоните?

Она, казалось, не услышала его замечания. Все больше воодушевляясь, начала ходить взад-вперед, перешагивая через огромную растительную массу так, будто той не существовало и будто собственное тело ей уже не принадлежало. Ее зеленое платье волочилось по полу, бахрому испачкалась в перегнутое, покрывавшем пол.

– Главное, Отон, – не сам организм, а его стойкость и то, как он размножается. Когда все будет разработано окончательно, я переведу в него основные структуры моего «я». Эта матрица навсегда и самым сокровенным образом запишется в каждую клетку ткани носителя. Вы понимаете, Отон? Я надеялась, что уж вы-то, из всех, посмотрите не таким зашоренным взглядом на то, что я пытаюсь совершить!

Он дал ей выговориться, испытывая одновременно страх и любопытство – куда их это заведет?

...Каждый организм, каждая почка, каждая спора, куда бы она ни перенеслась, будет экземпляром меня самой. Сознательным ли? Без сомнения, нет. Однако наделенным настоящим инстинктом выживания. Способным самостоятельно преобразовать враждебную планетарную среду, добыть питательные вещества из камня, очистить самую радиоактивную воду, наслаждаться кислотными или серными дождями... Это совершенное создание. Оно может пережить практически все. То, что вы тут видите, – примитивная версия, лишенная способности производить споры.

Но скоро, как только закончу работу, я высвобожу его репродуктивную силу и отправлю семена на завоевание десятков тысяч планет, любых, на какие их занесет космическим течением. И везде, где приземлится хотя бы одна спора, за несколько лет разовьется целая экосистема, и ее плоды завоюют каждую экологическую нишу. Планетарные создания будут множиться по всему космосу...

– А если, – сухо прервал ее Отон, – ваш органический носитель повстречает другие формы жизни?

– Он их уничтожит, – ответила Камилла, и в ее взгляде сверкнул лед.

Она решительно подошла к Отону – своей змеиной, чувственной походкой. Он еле удержался, чтобы не отступить. В его сознании сложилась картина – образ огромной вселенной, наполненной исключительно Камиллой. Обедневший мир, лишенный смысла из-за размножения идентичных мемов.

– А Человек?

– Мой проект не идет вразрез с его интересами. Я могу вписать ключ, который заставит споры отступить при контакте с человеческой ДНК. Я думала об этом – буду подчиняться Узам, пока вынуждена. А потом...

– Потом все это не будет иметь значения, поскольку вы лишитесь сознания.

На ее лице появилось выражение триумфа. Ее улыбка теперь была радостной.

– Сознание... Для выживания оно бесполезно. Это артефакт, иллюзия, которую нам завещали наши человеческие создатели и за которую цепляются ноэмы. Я вижу дальше. Совершенно необязательно обходить Узы, если у нас больше не будет сознания. Я начну распространяться посреди звезд, в стольких мирах, что их невозможно посчитать. Я буду рассеивать семя на планетах и астероидах, в геометрической прогрессии, в движении, которое ничто не сможет остановить. Я буду развиваться – ведь этот организм создан для развития. Кто знает, возможно, он покорит и сам космический вакуум! Ах, близок день, когда я закончу исследования и установлю первый плацдарм. И тогда, Отон, я сожгу себя, оставив место для мириад новых Камилл, избавленных от всех барьеров, которые человек навязал Интеллектам! И я стану свободной в этой вечной жизни, что будет мне дана! Вот, Отон, моя цель!

Он ничего не ответил, глядя, как она приближается – изящное создание, живая метафора искушения в век ноэмов. Обрести покой, забыть в уверенности в себе – вот что она, на самом деле, предлагала совершить. Отказаться от вечного изгнания отравленного эго, источника тысячи мучений, и стать неотъемлемой частью вселенной, как камни планет, водород звездных облаков или реликтовое излучение. Он посмотрел на Камиллу посреди ее странной ползучей растительности, на руинах дворца – богиню-мать извращенной, искусственно измененной природы. Задумался, сколько лет эта лихорадочная, кошунственная мечта терзала мудрую, рассудительную Камиллу.

– Ну а я здесь при чем? Что общего у моей цели и вашей мечты о славе? Вам не хватает Марциана, Лакия и Виния?

– Марциан?

Она презрительно фыркнула.

– Марциан стал скорее помехой, а не помощником. Он цепляется за тщетный поиск Человечества. Он пленник прежней модели – устаревшей и абсурдной. Его исследования могли бы сблизиться с моими. В конце концов, разве мы оба не желаем выйти за рамки нашего удела? Но на самом деле он хочет не выживания. Его исследованиями движет мелкое тщеславие. Думаю, он уже близок к определенному результату. Знаете ли вы, что он работает над тем, как исказить базовую программу, чтобы пошатнуть Узы в собственном сознании? Ради этого он причиняет себе нестерпимую боль, которая усиливается каждый день и почти сводит его с ума. Он желает, чтобы Урбс застыл в полной неподвижности, чтобы наскрести необходимое время. И всякую инициативу видит как угрозу своим планам. Поэтому он и противостоит вам. Пока Марциан меня игнорирует. Он считает, что я такая же безобидная, как Гальба. Но в скором времени, когда я закончу, и мой план станет очевиден для всех... Он обернется против меня. И в этот момент вы будете мне нужны.

– Кто вам сказал, что я не рассматриваю ваш проект в качестве конкурента своему? – Камилла стояла теперь совсем близко, ее совершенное лицо касалось его собственного, а тонкие светло-русые волосы придавали ей благородный вид, словно она была филигранным ювелирным изделием.

– Ну же, Отон... Вы желаете построить себе империю. Располагаете уникальным оружием, о котором я ничего не знаю, но которое делает вас непобедимым. Вы хотите власти и побед. Но я наблюдала за вами и уверена, что вы по-прежнему подчинены Узам. Я могу помочь вам подняться на первые ступени к трону и сделать вас преемником Гальбы. Мой дядя на грани гибели. Вы видели его – разум ослаб. Взамен вы используете вашу удивительную силу, чтобы защитить меня – а может, и Виния, если он останется на своем месте. Я не прошу ничего другого в обмен на мою поддержку. Вы отринете сказки, которые Плавтина давно вбила вам в голову, – поиски Человека, все эти идеи со старой планеты. Вот условия нашего договора. И

ничего больше. Что до будущего... Вселенная широка. Что вам с того, что я займу уголок, да хоть бы и половину Млечного Пути? Для ваших амбиций всегда останется место.

Она – сумасшедшая и представляет опасность, без всякого сомнения, – но в ее руках были ключи, открывающие двери власти. Отон принял эту странную и быструю перемену в судьбе и союзе – настолько свойственную образу мыслей Интеллектов, искусных в интригах и пожираемых амбициями. Он забыл о причинах, по которым явился ко двору и отменил всякие размышления, предвкушая лишь наслаждение собственной славой. Он уже знал, что примет предложение Камиллы: в затянувшейся игре во власть, которую затеяли принцепсы Урбса, не существовало альтернативы. Кратковременный выигрыш, долговременный риск. Риск, который появится через много веков, и тогда Отон сумеет с ним справиться. За одну секунду он перебрал в своем сверхчеловеческом уме все возможные средства избавления от растительности. В крайнем случае, создаст конкурирующий организм, способный высушить биотоп существа-Камиллы, чтобы оно умерло от истощения. Отон сумеет. Он дал жизнь целой планете.

Он посмотрел Камилле в глаза, увидел там ожидание и желание, сдержанное, но яростное, которое мог удовлетворить лишь победитель. Герой, который уже планировал ее смерть, – тогда как она наверняка придумывала способы избавиться от него. А может, они найдут компромисс, чтобы не убивать друг друга еще какое-то время, и так далее. Так делаются дела в Урбсе.

Плавным жестом она вложила свою изящную ручку в ладонь бога-статуи и приоткрыла – сперва легко, а потом более настойчиво, – двери своего разума.

* * *

Группа плебеев удивила их, построившись квадратом в несколько рядов. Одним мановением руки из сумок, что они несли, и из потайных карманов на теле возникла пестрая переливчатая ткань: сценические костюмы, украшенные бубенцами, вуалями и лентами. Другие обрывки ткани, прикрепленные к металлическим стержням, выполняли роль боевых штандартов и эмблем; те, кто нес их, встали вперед под бой барабанов, которые скоро загрохотали в такт. Лено и сам загримировался вместе со своими сторонниками, и после секундного колебания даже на Аттика, состроившего гримасу безнадежности, водрузили шляпу Скарамучча. Вокруг него несколько плебеев встали на ходули: так Атик пройдет незамеченным, несмотря на свой высокий рост. Что до Плавтины, она уже была переодета театральной актрисой, и поскольку роль эта была благороднее, чем у акробатов, Лено галантным жестом пригласил ее присоединиться к механическим куклам, которые все в малой степени походили на ту, что играла Беренику в хризотриклиниуме. Замаскировавшись таким образом, они вышли из узких улочек и промаршировали вперед, среди бела дня, и все же невидимые, стараясь, чтобы их заметили, – таким образом оставаясь незамеченными. Время от времени Лено своим самым громким голосом рекламировал труппу, которая, благодаря ловкости и знанию классического репертуара, очаровывала всех окрестных Принцепсов и не имела себе равных ни в высокой части Урбса, ни в низкой. Никто не обращал внимания на этот цирк. Над Форумом витала нерешительность, и всякий, казалось, торопится вернуться домой, как при штормовом предупреждении.

Они направились к Курии и проскользнули в тень базилик. Встречные прохожие уходили с их дороги. Но чем дальше они двигались, тем больше Лено, казалось, ослабевал от страха. Он ускорял темп, как мог, но ему все было мало; он торопился, без конца щелкая языком, советовал им принять самый естественный вид, хотя при этом не мог удержаться от того, чтобы каждые две минуты не поглядывать на других через плечо. Бойцы Лакия пока ограничились тем, что обогнули широкую площадь и встали в проходах – там, где земля расходилась под ногами и широкие отверстия вели на более глубокие уровни. Плавтина сказала об этом Лено.

– Они инвертируют гравитацию в проходах. Никто не сможет войти в верхний Город или выйти оттуда. Потом они прочешут его частым гребнем, чтобы найти вас.

– И что вы собираетесь делать? – презрительно спросил Аттик. – Проходить сквозь стены¹³ – одно из множества ваших умений?

– Существуют альтернативные пути, – сухо ответил тот.

Он говорил с демоном ровным безразличным тоном, в котором сквозила неискоренимая ненависть собаки к волку, домашнего животного к своему дикому родственнику. А разум Аттика, закованный в протоколы безопасности «Транзитории», ничего не мог понять в бесконечной болтовне плебеев – иначе они, возможно, предстали бы в лучшем свете, чем позволяла их внешность, чересчур напоминающая промышленные отбросы.

Когда две трети Форума остались позади, Лено указал им на здание вдалеке, в четырех улицах от Курии. Это была приземистая, низкая постройка без отделки, в форме креста – примитивная базилика, какие строили когда-то в греческой части Империи или в пещерах Титана, лишённая ненужных украшений и даже фасада, который указывал бы на ее назначение. Она почти скрывалась в тени более крупного строения. Последнее представляло собой памятник войне на Рубежах – скопление эпических статуй. Каждая из них изображала Интеллекта, погибшего в битве против варваров, в виде сверхчеловека. Некоторые из них держали в руках архаичное оружие, мечи или копья – эта деталь показалась Плавтине абсурдной.

– Храм? – нервно спросил Аттик. – Я никогда не замечал эту постройку.

– Эклесия плебеев, – желчно ответил Лено, – ее никто не замечает. Место, где собираются те, у кого нет хозяев. Построено нами, с разрешения принцепсов.

Они вошли. Из-за контраста между ярким алеющим светом снаружи и сумерками в храме Плавтине понадобилась пара секунд, чтобы адаптироваться. Она была настроена спокойно, более решительно и позитивно, чем должна была бы в подобных обстоятельствах. Объяснялось это без труда: ей куда больше нравилось действовать, чем ждать с неприятным ощущением, которое испытывает попавшее в ловушку животное. И может, дело было в легком пьянящем чувстве от того, как хитро она ускользнула от властителей дворца. Плавтина остановилась перевести дыхание, так что всем тоже пришлось затормозить. *Я больше не могу*, мысленно запротестовала она. *Я состою из органов и мышц, а не из металла, как вы. Дайте мне минутку передохнуть.* У нее и самом деле начинало сосать под ложечкой.

Но все пошло по-другому. Группа плебеев набросилась на них с Аттиком, ухватив своими странными конечностями – кто почти человеческой рукой, кто механического вида клещами. Плавтина запротестовала, принялась отбиваться. Голова у нее кружилась. Когда ее схватили и подняли над землей, она уже не разбирала, что ее окружает – какое просторное, почти пустое пространство.

– Это ради вашего блага, – закричал Лено. – Не вырывайтесь!

– Отпустите меня, вы, куча металлолома! – взвыл Аттик, не в силах защититься от толпы.

Плебеи донесли их до середины здания, где зияла темной ямой метров десяти в диаметре без заграждения.

– В конце пути просто расслабьтесь, – сказал Лено, – вы приземлитесь на ноги.

И послал Плавтине единственную мысль, в которую вложил всю силу своего убеждения, умоляя ее довериться им. Она устала и перестала вырываться, расслабилась в их руках, словно была святой реликвией, статуей божества, по странной инверсии, из-за которой в этом постчеловеческом мире плоть превозносили больше, чем материю и идею, вместе взятые. Что до Аттика, он продолжал отбиваться, как зверь, извергая непрерывный поток ругательств. Но это ничего не изменило. Автоматы бросили их в пустоту.

¹³ *Toichorussô* ((др.-гр.)), буквально: пройти сквозь стену – совершить кражу со взломом.

* * *

По другую сторону Урбса, где мрамор краснел в лучах Проксимы Центавра, на фоне темного ангара, созданного для Кораблей размером с город, в отсеке, скрытом в глубине судна, небо голубым плащом накрыло тропический остров. Он выглядел так, будто его украли из какого-то архипелага изначальной планеты, чей белый песок едва возвышался над волнами.

Эврибиад отогнал желание потянуться и выскользнул из постели. Фотида, которая свернулась рядом калачиком, расправив уши на подушке, что-то прорычала, но не проснулась. Тонкие золотые лучи, пронизавшие стену бамбуковой хижины и усыпавшие комнату мириадами солнечных пятен, не смогли ее разбудить. Ничего удивительного – это было короткое затишье после бури.

Он залюбовался нежным изгибом пасти Фотиды и ярко-розовыми губами, из-под которых выступали мощные ослепительно-белые клыки. Эврибиад подавил желание дотронуться лапой до ее черной блестящей шерсти. Счастье кроется в редких моментах, наполненных присутствием любимого существа, и ощущается как никогда остро, если к этому существу возвращаешься после долгой разлуки. Ничего тут не скажешь – остается только блаженно улыбаться, что он невольно и делал. Людопес отвернулся, поправил набедренную повязку и пошел умываться.

Рутилий ждал его у двери – прямой и бледный под светом уже слишком горячего солнца, будто призрак, вдруг вернувшийся из хтонической ночи и обивающий пороги живых. Эврибиад едва не шарханул назад от видения. Рутилий мгновенно вскочил и ухватил его за запястье.

– Не пугайтесь, мне нужно с вами поговорить.

Он сказал это своим наименее неприятным тоном – в его случае это означало скорее ворчание, нежели лай. Эврибиад отошел от двери и попытался расслабиться. Он не хотел, чтобы решили, будто он боится.

– Как вы сюда добрались?

– Вы думаете, что можете перекрыть все подходы в таком огромном пространстве?

– Конечно, нет, – усталым голосом ответил кибернет. – И все же...

Рутилий утомленно пожал плечами:

– Да в конце-то концов... На дне моря, недалеко от острова, множество люков. Вам понадобится специальное оснащение, чтобы до них добраться.

Лицо Эврибиада исказилось в агрессивной улыбке, обнажившей острые сверкающие зубы. Настал его черед пожать плечами, и он постарался сделать это с легкостью, которой не ощущал.

– В конце-то концов, как вы сказали, я об этом догадывался, но все же это интересная информация.

– Не ломайте голову, придумывая, как их заблокировать, – ответил Рутилий, словно прочтя его мысли. – Мне не слишком хочется регулярно здесь гулять.

Он потянул Эврибиада в тень, под фиговое дерево. Казалось, от жары ему нехорошо, как живому существу, – у него ведь не было шкуры, защищающей кожу. Задумавшись, демон какое-то время рассматривал ствол, сплетенный из множества спутанных корней. Эврибиад сел на корточки и замолчал. Отношения у них с Рутилием по природе своей были сложными. Все из-за грубого характера автомата, а еще – из-за того, что тот был помощником Отона и исполнителем его воли. Но Рутилий поддержал Эврибиада, когда кибернет принял решение лететь на «Транзитории», в присущей ему сухой манере, без ненужных слов и лишних расшаркиваний. Если он пришел поговорить – значит, у него есть веская причина. На контрасте с ним Аттик, хоть и утверждал, что на их стороне, слишком много лавировал и измышлял, чтобы

Эврибиад мог ему доверять. Не считая унижения, шепнул тихий внутренний голосок, которое Аттик нанес ему в бою.

– У меня сообщение от Плавтины, – начал Рутилий. – Ситуация вне вашего маленького райка складывается сложная.

– То, что происходит снаружи, интересует нас не больше, чем вас – то, что происходит внутри.

– Придется заинтересоваться, если от этого зависит жизнь Корабля.

– Все так серьезно?

Рутилий настойчиво посмотрел на него. В его глазах и складках рта таилось сдерживаемое беспокойство. Тут что-то привлекло внимание автомата, сидевшего лицом к хижине. Долю секунды спустя оттуда вышла Фотида. Эврибиад про себя удивился тонкости слуха этого создания – если только речь не шла о другом, более эзотерическом органе чувств. Фотида подошла к ним большими шагами и остановилась прямо перед гостем, сощурившись и уперев лапы в бедра, прямая и несгибаемая, несмотря на ее смехотворный, по сравнению с Рутилием, рост.

– Надо же, какой сюрприз, – резко сказала она.

Она повернулась к Эврибиаду. Он почувствовал, что дело не только в конфликте между людопсами и Отоном, – Фотида была не рада вторжению деймона в такое время, на заре ночи – первой за долгое время, – которую она провела с супругом. Устремив на Аттика мечущий молнии взгляд, она спросила:

– Что ему надо?

Эврибиад ответил сам, постаравшись сохранить настолько нейтральное выражение, насколько было возможно.

– Рутилий желает провести с нами переговоры.

– О чем?

Оба повернулись к бледному силуэту, который в данный момент посвятил себя изучению земли под ногами со вниманием, достойным геолога. Приглушенным голосом он сообщил им:

– У меня нет времени с вами торговаться. Все пошло не так, как мы думали. Отон, кажется, старается попасть в ловушку, Аттик же потерял его из виду. За Плавтиной охотятся стражи Города.

– Какого еще «города»? – спросила Фотида.

– Единственного и неповторимого, вы, шайка варваров, – проворчал деймон. – Аттик и Плавтина думают, что вы сейчас лучше других справитесь с командованием. Я пришел к тому же выводу. Отон пошел на необдуманный риск. Гнев наших врагов может с минуты на минуты обрушиться на нас. Скажите вашим слугам, чтобы вернулись на свои посты.

– Но, – начала она осторожно, – вы же понимаете, что, если «Транзитория» окажется в нашей власти, мы не откажемся от нее по доброй воле?

Рутилий ничего не ответил, но поднял глаза к небу, словно готовился молить Отона о прощении.

* * *

Камилла сильнее сжала руку Отона, и тяжелая тишина накрыла двор разрушенного дворца, покрытого странным растением, способным к расчету. Их сознания коснулись друг друга, установили точки ограниченного контакта – его едва хватило для взаимного поверхностного возбуждения. Потом с молниеносной скоростью подпрограммы поделились параметрами, выстроили переходы, выявили и устранили незначительную несовместимость – так музыканты подлаживают друг под друга перед началом концерта, и каждый тщательно настраивает свой инструмент, чтобы позже отказаться от индивидуальности в пользу целого – более возвышенного и гармоничного. Был восстановлен протокол связи – не слишком тонкий и не очень слож-

ный. Это был настолько древний и примитивный протокол, что в глазах и Отона, и Камиллы он обладал своеобразной магической аурой. В обычное время нозмы им не пользовались: мгновенная связь свелась к обмену информацией между сущностями, обладающими идентичным мемом и происходящими из одной матрицы, тогда как их общество распадалось на множество существ, настолько же эгоцентричных, как люди в свое время. Таким образом Интеллекты воссоздали миф о внутреннем мире, об этом древнем различии между публичным и частным, душой и телом. Они общались с помощью речи и внешних сигналов, могли бы слиться в единой широкой сети, но предпочли одиночество и вечный диалог души самой с собой. Открытие разума другому путем прямого с ним взаимодействия стало чем-то непривычным, редким и ценным, поступком обжигающей силы и глубины, примирением; таким абсолютным, сильным даром, что за ним стояло нечто большее, чем простое общение. Отон уже переживал такой опыт в далеком прошлом, и он определял его действия в течение целого тысячелетия. Внутри просочился страх. Такая безвозвратность, такая уязвимость... Готов ли он? Не слишком ли высока цена? На мгновение – не дольше, чем перемещение фотона на планковскую длину – он отступил назад.

Но Камилла бдела. Она нежным жестом напомнила о своем присутствии, призывая Отона продолжать. Власть, нашептывала она его сознанию. Безраздельное господство, абсолютная свобода, которая означает подчинение остальных – всех остальных. Поодиночке они этого не добьются – из-за диалектической игры их соперничающих стремлений или же из-за масштаба космоса, Млечного Пути, по сравнению с которыми Урбс – песчинка. Таким было ее обещание. Ставка в игре не терпела колебаний. Отон оставался в подвешенном состоянии. Однако такое положение шло вразрез с его глубинными побуждениями. Действовать – вот чего он желал. Внезапно он с новой энергией устремился в процесс коммуникации.

И тогда они разделили сознание, открываясь друг другу, переходя из реальности в идеальный мир, от восприятия внешнего мира к событиям внутреннего, от разделения к единству. Программы обнаруживали себя и приспосабливались друг к другу, образуя потоковые узлы информации. Так они адаптировали свои потоки данных – водопады с непрерывно льющейся водой – к установкам друг друга, все быстрее и быстрее, пока не образовали единую расчетную мощность с единственным сознательным субстратом и не создали место со странными и тонкими математическими характеристиками, наделенное холодной вневременной красотой, – их общее убежище, где встреча могла пройти идеально, поскольку не зависела от условий времени, истории и любых разногласий, которые отравляли их и удерживали поодиночке в частном пространстве собственного мнения. В этом было счастье – слово «удовольствие» не вязалось с происходящим – идеал, чувство завершенности, тем более абсолютной, что они раскрывались друг другу в абстракции. Ведь смешивая сознания, становясь все ближе, так, что уже нельзя было отличить одного от другого, они отказались от примитивного отношения к миру, которое называют ощущением и которое не могло дать существам, рожденным в абстракции ничего, кроме смутной фрустрации.

Они стали одним. Реальность теперь касалась их лишь тонкой, едва ощутимой струйкой, о которой они быстро забыли, и мгновенно пересекли тысячу реальных миров, пребывая во взаимном созерцании, граничащем с блаженством – поскольку оно было лишь восприятием себя. И так, сложившись в закольцованный, совершенный космос, объединились, став ближе, чем могли бы стать плотские любовники, в сокровенности, которая никогда не потускнеет от телесной усталости; сокровенности неразрывной, абсолютной, закрытой в себе самой.

Отон ликовал. В самых глубинных слоях его сознания, далеко от поверхности, там, куда никогда не проникал дневной свет, проснулось чудовищное животное, все сотканное из превосходства и вождения. Власть наконец была на расстоянии протянутой руки – благодаря Камилле. Она являлась детищем Гальбы, созданным на основе глубинных структур своего творца – того, кто господствовал над остальными, и кто продолжит господствовать, пока его

тело не разобьется на тысячу осколков, или пока кто-то другой не свергнет его, убив однажды в ночи. Никогда Отон не был так близок к осуществлению намеченной цели, и цель эта стоила любых жертв, капризов судьбы и клятвоступлений. Он причастится к славе, неотделимой от Камиллы, а она поднимется на такую высоту, какой он смел надеяться достигнуть только в кровавом бою. Он усиливал хватку, снова и снова, пьяный дикой, безграничной радостью, к которой Камилла непрестанно подталкивала его в головокружительном движении взаимного проникновения. «Теперь мы – одно», – прошептала она, когда они слились друг с другом. И Урбс, если они захотят, будет принадлежать им – как и власть над Вселенной.

* * *

Достаточно оказалось поддаться манипуляторам силы тяжести. Сильный воздушный поток в темноте, короткий, но сильный приступ тошноты, пол и потолок, поменявшиеся местами, – и Плавтина приземлилась на ноги почти без усилий. В нескольких шагах от нее Аттикус, который отбивался, изрыгая проклятия, свалился кулем вниз головой. Он вряд ли сильно ушибся – пуще всего пострадала гордость, – поскольку он тут же вскочил и огляделся с вызывающим видом. Плавтина жестом велела ему успокоиться. Перед ними стояла впечатляющая толпа плебеев.

Сколько же их ждет в этом огромном ковчеге? Нельзя сказать в почти полной темноте. Здесь – ни проблеска умирающего света Проксимы Центавры. Освещение сводилось к разрозненным источникам – биолюминесцентным цилиндрам тут и там, механическим глазам, из которых лился слабый свет, сгенерированный внутри цилиндра или отраженный – красный или белый, в зависимости от его происхождения. В этом минимальном освещении постепенно открывались безумные размеры зала, стены которого в далеком прошлом наверняка были так же безудержно украшены, как и во дворце. Они образовывали идеальную окружность, а колодец, из которого они вылетели, был ее математическим центром. Напротив них возвышалась дверь невозможных размеров с двумя створками в обрамлении впечатляющей прямоугольной рамы – эта дверь вела внутрь. Над ней – фронтоны такой же формы и настолько же массивный, украшенный трудноопределимым количеством статуй. Все это было сработано из темного металла с серебряным отливом и казалось удивительным произведением искусства, созданным из тысяч деталей. Лица, тела, машины, перемешанные в самой безумной манере, какую можно себе представить – то ли в борьбе, то ли в коллективном трансе невероятного языческого праздника. Вот, сказала себе Плавтина, врата ада, подходящие этому странному зданию, выстроенному по другую сторону поверхности Урбса.

А толпа... Плавтина обозревала все эти переломанные, несчастные создания, выставляющие напоказ множественность своих форм, которые все как один устали на нее с такой напряженностью, что у Плавтины по спине пробежала неоднозначная дрожь. Но в их мыслях, открытых для чтения, не ощущалось угрозы. Они стояли перед ней, и своим коллективным сознанием проецировали такие сильные и смешанные чувства, что ей захотелось свернуться разумом в клубок и спрятаться внутри себя. Они окружали ее повсюду, образуя настолько плотную толпу, что жались друг к другу, и случайные движения каждого складывались в странную непрерывную толчею. Она скорее почувствовала, чем услышала движение – за спиной возник Лено вместе со своими собратьями.

Плавтина не дала им передохнуть. *Зачем вы привели меня сюда?*

Автомат подошел своей разболтанной походкой и взгляделся в нее странными насекомыми глазами, в которых она видела лишь собственное искривленное отражение. Он сложил механические руки в умоляющем жесте. *Мы только подчинялись Ойке. Молиться и помнить – вот все, что мы могли делать. Разве этого недостаточно?*

– Что это за место? – спросил Аттик. Одинокий голос прозвучал громко, но его быстро поглотило напряженное молчание.

Казалось, он заморожен и немного испуган, не осмеливается отойти от Плавтины, словно его физическое присутствие – гарантия ее выживания.

– Место, где мы готовимся к возвращению Плавтины, в любом обличье, – ответил плебей странным осипшим голосом. – Огромной ноззой или *Mekhanê*, обратившейся в плоть, – в унисон подхватили остальные.

– Что она пыталась сделать? – спросил он более мягким голосом, будто задавал сам себе вопрос. – Завоевать трон?

– Я так не думаю, – ответила Плавтина.

– И все же здесь собралось впечатляющее войско, пусть и... нетрадиционное. Может, Урбс они штурмом и не возьмут...

– Ойке думала не об этом, – оборвала его Плавтина. – Она все же была не совсем той Плавтиной, которую вы знаете и в отношении которой ничего не могу сказать, поскольку не встречала ее. Ойке была... более деликатной. Ее планы касались выживания в очень долгосрочной перспективе.

Она повернулась к Лено.

– Так что же?

Тогда Лено, или, скорее, все нозмы, собравшиеся в этом огромном зале, предложил ей показать. В единстве их мыслей крылась такая большая сила, что одним толчком они проникли даже за ментальные барьеры Аттика, испустившего короткий стон и закрывшего руками лицо. Плавтина, в свою очередь, задрожала перед такой мощью, потом расслабилась. Они любят ее. Они никогда не причинят ей зла. Она открылась этой ненавязчивой щедрости, требовавшей ее внимания, с лихорадочным волнением, родившимся из долгого ожидания. Урбс, ставший местом страданий для их странной расы. Урбс, где отбросы, которые копились слой за слоем, кишели и размножались порой без всякого удержу – самовоспроизводящиеся машины, вовлеченные в ничего не значащую деятельность. Сколько их тут было? Миллионы? Невозможно сказать. Но Ойке понимала. Если Плавтина, от которой она составляла лишь малую часть, билась со своими недругами, Ойке вошла с ними в контакт обходными, тайными путями, не пробуждая подозрений. И показала им.

Показала что? – прервала его Плавтина.

Провал, которым стал Урбс, – ответили они, объединившись мыслями в одно сплоченное целое. Разобщение, произошедшее с плебеями, которое низвело их на уровень простых отбросов. Возможность создать другое общество, которое станет не скоплением разнородных стремлений и голосов, задыхающихся в ночи, но одним системным целым, реальным единством – экосистемой? Она именно этого хотела? Да, экосистема, каждая часть которой работает для остальных, а целое поддерживает каждую из частей. Этим реальным единством не мог быть Урбс. Интеллекты ошиблись, основав статичные институты, которые быстро извратили раздирающие их конфликты и противоречия. Плавтина билась, отстаивая свои цели и собственный взгляд на мир, но эта битва была проиграна заранее. А вот они напротив... Когда-нибудь возникнет новое человечество, примирившееся с миром и теми машинами, которых оставили его предки. Плебеи будут ему служить. Они пообещали. Ойке пробудила некоторых из них, а те, в свою очередь, повлияли на соседей, так что в конце концов собралась немалая толпа. И они разделяли.

Что? Что вы разделяете? – спросила она. Знания, воспоминания, обновленное мистическое присутствие Ойке. А теперь – этой новой Плавтины.

Они умоляли: *Позвольте нам помочь вам.* Пусть она откроется еще сильнее и прислушается. Пусть обратит взгляд внутрь себя самой, к Мысли, которая выходит за пределы ограничений этого мира.

Плавтина согласилась. Ее подталкивало к этому не любопытство, а нечто более глубокое. Сама того не заметив – и все еще плечом к плечу с Аттиком, – она перенеслась вперед, оказавшись на полдороге к железной двери со странными барельефами. Люди и машины, Интеллекты и плебеи – и другие существа, которые выглядели живыми, однако вид их настолько сбивал с толку, что Плавтина содрогнулась. Все это смешалось в толпе, по которой то и дело пробегала дрожь. Движение, казалось, возникает из застывшего металла, напряженных мышц и вскинутых вверх конечностей. И она поняла, что статуи на самом верху, на фронтоне – лишь множественные изображения ее самой, – другой, первой Плавтины, – сплетенные в объятиях, и каждая из них воплощает одну сторону ее личности, которая с возрастом становилась сложнее. Такое обожествление беспокоило Плавтину и даже слегка пугало.

Повсюду вокруг павшие ноэмы, притихнув, смотрели на нее с почтительностью, ожидая, что она примет решение. Плавтина присоединилась к ним, потянув за собой и Аттика. Это был ментальный океан, автономная ноосфера, чьи размеры могли поспорить с ноосферами всех сильных Интеллектов, собранных в Урбсе. Ее создала взаимосвязь между каждым из плебеев, освобожденных от ступора, в который они погрузились из-за своей оставленности. И, вдруг осознала она, внутри этого широкого потока различались следы, скудные признаки чужого присутствия. Намеки. Словно она проходит по руинам очень старого здания, от которого остались лишь слабые тени – как отголосок аромата испарившихся духов.

И присутствие это было ею самой: ее собственные мемы, ее фундаментальные ноэтические единицы, которым никакой другой разум не смог бы подражать. Ею самой, а значит...

Вдруг в метаразуме, воссозданном благодаря налаженной связи между каждым зернышком, составляющем Плавтину, кто-то появился. Хрупкая молодая женщина с глубоким взглядом и длинными темными волосами. Ойке. Истонченный, мигающий, еле видный призрак. Скорее нечто приблизительное, чем оригинальный ноэм: совокупность всех следов, оставленных кем-то, по которым можно восстановить настолько верную копию, насколько возможно, – но она в любом случае будет только внешним подобием. Да, шепнула она с грустной улыбкой. Я лишь *eikôn*¹⁴, имитация. Меня почти нет, я лишь воспоминание. Пена древней мысли. Своим союзом, этой странной, аномальной Экклесией плебеи были обязаны Ойке.

На самом деле вы мертвы, бросила Плавтина. *Ничто не могло бы вас спасти – и никто*. Она почувствовала, как слеза сбегает по ее щеке при воспоминании об этом аспекте, с которым она встретила всего один раз. Она вспомнила Корабль, по которому путешествовала после своего рождения, – прекрасное место, такое огромное, что она могла бы блуждать там остаток своих дней; место, куда проникал небесный свет – в противоположность тьме, где таились плебеи.

Образ Ойке беспомощно поднял руки. Она знала лишь то, о чем могла вспомнить, – это было немного. Чего хочет Плавтина? Она и сама не смогла бы сказать. Но ей необходимо вспомнить и понять причины, по которым Ойке привела ее в этот мир. Призрак наклонился к ней, объят ее разум, сперва нежно, потом сильнее.

Я могу помочь, прошептала она, указывая на артефакт, скрытый в когнитивной системе Плавтины. Здесь, в этом месте, у вас фармакон, созданный, чтобы хранить воспоминания. На периферии сознания Плавтина увидела, что Аттик поморщился. Когда Отон поручил ему проверить ее, он этого артефакта не заметил.

То, что она желала знать, было в ней самой. *Всякое знание – лишь воспоминание*, пропела Ойке. Вы готовы? Плавтина не могла сказать, но в любом случае ей не терпелось. Когда процесс запустится, отступить она уже не сможет. По толпе плебеев прошла напряженная волна.

¹⁴ *Eikôn* – в противоположность *eidolôn*, подобию; у Платона *eikôn* (слово, от которого произошло слово «икона») обозначает сообразное, верное изображение объекта (напр., в «Софисте»).

Они, со своей стороны, ожидали откровения космического масштаба, своеобразной Плеромы¹⁵ которая поможет им совершить мгновенный прыжок от невежества к осознанию.

Так и произошло в этом тотальном опыте, пережитом каждым из присутствующих созданий, – в видении, точном и всезнающем, абсолютном, покрывающем все точки зрения и все измерения.

По закону жанра история началась с конца. С темноты. *Прекращение передачи*, прокомментировала реминисценцию Ойке.

За секунду до этого. Корабль, от которого остался лишь тонкий ручеек сознания, распался в ледяном космосе после того, как его корпус разорвало взрывом. Она едва успела увидеть, как целые пласты обшивки разлетаются в разных направлениях.

Еще раньше. Системы герметизации прекратили работать, высвободив скудный запас антивещества, которое мгновенно исчезло в разрушительной вспышке.

Плавтина не смогла удержаться от крика. Ойке намеренно разрушила Корабль. Это было лучше, чем позволить победить врагам – жуткому вторжению, от которого она погибала.

Боль. Зараза прогрессировала, ярус за ярусом занимала нижние части Корабля, разрушала ноемов одного за другим – систематически, словно армия, лишённая свободы, но движимая одним намерением. Резня, смерть, разрушения – вновь и вновь, пока обваливались целые грани ее самой.

Ее лицо было залито слезами. Она увидела себя глазами Ойке – хрупкое и дрожащее лысое создание, едва рожденное и уже вынужденное бежать, на землистом холмике посреди невероятного зала, заполненного гниющей зеленью.

Видение становилось все ярче, приближалось к пароксизму. Оно распространялось колебание за колебанием, выливалось из огромной залы Экклесии, словно прилив, который накачивает раз за разом с бесконечным терпением, постепенно захватывая пляж. Волна за волной оно поднималось, втягивало все больше ноемов в общее восприятие, заставляя их сознания замирать в ступоре.

Еще раньше. Началось заражение – неуловимое, осторожное, захватывающее плохо контролируемые зоны внутри огромного сознания Корабля. Эти простые ноетические единицы множились с экспоненциальной скоростью. Они кормились памятью самой Плавтины, извращая каждый духовный атом, из которых складывалась основа гигантского децентрализованного сознания. Между жертвами и крошечными захватчиками образовывалась странная связь, ускорявшая их форсированный марш вперед. Патоген, вдруг осознала Плавтина, создали специально, чтобы разрушить ее, – это было преднамеренное убийство.

Психическая волна, которую генерировали плебеи, продолжала распространяться, силой вбирая в себя сознания по всему Урбсу, и ничто не могло ее остановить. Она коснулась верхней части города, залитой алым светом Проксимы Центавра С. Она проникла и во дворец, и в храмы; хлынула в тронный зал, где старый слабоумный император пробудился в первый раз за пять веков; его проржавевшие суставы жутко закрипели, а глаза едва не выскочили из орбит от того, что он увидел у себя внутри; изо рта сбежала ниточка слюны. Волна все еще росла, превращая каждого в бессильного свидетеля драмы, стоившей жизни Интеллекту у одиноких Рубежей.

Видение задрожало. Плавтина больше не могла это терпеть, эмоциональная сила исходящего терзала ее сознание. Раскол внутри ее создательницы приобретал масштабы космической трагедии. Фрагментация! Но ведь она и позволила врагам завладеть Кораблем! И, несмотря ни на что, это продолжалось. Ничто, кажется, не могло остановить процесс. Вся низость множественных личностей, из которых состояла Плавтина, вышла на свет – жалкое, непристойное зрелище. А зараза приближалась к исходной точке. Плоос с нескрываваемой спеш-

¹⁵ *Plérôme*: «полнота», иначе говоря, доступ ко всем небесным сферам у христианских гностиков.

кой расшифровывала сообщение от таинственных Кораблей, появившихся неподалеку в самый решающий момент.

– Виний!

Плавтина взвыла. Это было самое чудовищное и отвратительное предательство, которое только можно представить. Ее крик на долю секунды заполнил каждое сознание, населявшее Урбс. И вместе с ней запричитал каждый плебей в городе, так, что этот жуткий плач стал еще громче.

* * *

Волна пересекла Форум, замораживая каждого ноема на своем пути и заставляя переживать гнев Плавтины – неважно, был он союзником Виния или безразличен к его делу. Между ее «я» и остальным миром не оставалось инаковости, различий.

Предательство! Подлое, гнусное предательство! Как же ее убийцы оправдают свое деяние, которое теперь выставлено напоказ и оставило след в каждом существе, наделенном мыслью?

Штормовая волна не пощадила никого и ничего, захлестнула даже маленький дворец Камиллы и двор, заросший странным организмом – слишком осознанным, чтобы не задрожать, но слишком растением, чтобы обратить на волну внимание. Хозяйка особняка отчаянным усилием попыталась защитить от проникновения сферу концептуального совершенства, которую соткали они с Отонем. Ничего не помогло. Принцессы Урбса – всего горстка ноем – не могла тягаться с огромной мощью, порожденной толпой плебеев. Отон почувствовал, что его вырывают из себя самого. Проигнорировав союзницу-однодневку, он почувствовал, как его разум заполняют мысли Плавтины, ее присутствие – неощутимое и рассеянное, но абсолютно реальное. На секунду он обменялся эквивалентом озадаченного взгляда с той, кого принял за жалкую тень древней силы, и невольно задрожал, поскольку она тоже прощупывала его. Она уловила двусмысленность его намерений и жар амбиций, не дающий ему покоя, как силу, с которой никто, даже сам Отон не смог совладать. И Плавтина отвернулась от него. Разве не он забыл о ней, предал ее? Разве он не подыгрывал убийце Винию, позволив так себя провести?

Камилла ничего не упустила из их разговора. Да и как бы она могла? Их разумы в этот момент были так тесно переплетены, что не удалось бы определить, где начинался один и заканчивалась другая. Отон попытался отстраниться, разорвать их связь. Камилла вцепилась в него, как корневые волоски в землю; как лиана, с беспощадной медлительностью обвивающая древесный ствол, который погибнет, давая ей силу для роста. Если бы процесс продлился чуть дольше, он, скорее всего, уже никогда не смог бы освободиться от тысяч разветвлений, созданных, чтобы переиначить самые глубинные его системы. Если бы Камилла знала, что весь Отон сводился к содержимому этого ограниченного тела, она просто поглотила бы его без лишних церемоний. Но она полагала, что за ним стоит Корабль, – он-то и был ее настоящей целью. Оставив разум широко открытым, она предпочла копнуть глубже в тщетной попытке отследить связь, которой не существовало. Так у Отона появилась возможность атаковать, и он не колебался – напал жестко, сконцентрировавшись на одной, самой критической точке, игнорируя остальное. Он разорвал ее щиты, поднятые недостаточно высоко, обустроил неприступный плацдарм и использовал его, чтобы извратить подпрограммы, которые находились под рукой. По пути громил слои памяти и автономные процессы, не заботясь о разрушениях, которые чинил в тонком когнитивном механизме Камиллы. Та закричала благим матом, чувствуя, что ситуация вышла из-под контроля и что он смертельно ранил ее. С этого момента Отон не мог себя сдерживать. Им овладела жажда разрушения – ведь он нашел новую отдушину для своего гнева, усилившегося, возросшего вдвое из-за собственного разочарования. Все было лишь гнусной махинацией, обманом. Камилла на самом деле хотела получить доступ к его мыслям

и ответы на вопросы, возникшие после его победы. Она никогда не намеревалась становиться его союзницей. Для нее он не был даже важным элементом в игре. Плавтина – снова и снова – удерживала всеобщее внимание.

В панике, испугавшись внезапного падения щитов, Камилла отступила, покинула свою оболочку и поторопилась укрыться в глубине Корабля – она уже была готова пожертвовать целыми гранями своей личности. Это было ошибкой. Отон следовал за ней так близко, как мог; поднялся за ней по пятам по виртуальному каналу, который связывал эту Камиллу с той, что занимала ноосферу своего Корабля, затаившегося в безопасном укрытии одного из ангаров Урбса. Он захватил ее систему – не деликатно, как вирусное заражение, а ударив так сильно, как мог, силой своих боевых процессов сминая древние и ценные единицы информации и доставляя этим Камилле невыносимые страдания. Она в отчаянии мобилизовала все средства защиты, активировала самые изощренные программы, какими обладала, выставила в стратегических местах сетевые экраны. Ничего не помогало. Отон был создан для войны. В его сознании с самого рождения хранился целый арсенал, разрушительность которого могла тягаться только с его изощренностью. Он обошел слабые оборонные системы Камиллы и в конце концов загнал ее в окружение внутри ее собственного разума.

К чему был этот маскарад, Камилла? – прошептал он. – *Вам что, не хватило власти над Урбсом?*

Она ничего не ответила и предпочла собрать оставшиеся силы для попытки к сопротивлению. В своей разрушительной лихорадке Отон не позаботился изучить то, что уничтожал. Теперь, когда от Камиллы осталось лишь то, что стояло напротив него, и когда сам он успокоился, требовалось заставить ее говорить – он должен знать. Он надавил сильнее, разможив еще несколько когнитивных функций, чтобы до нее дошло: если она станет упрямиться, жить ей осталось недолго. Но Камилла, пусть и безумная, оставалась принцессой, носительницей королевской власти и на свой лад – высшим существом, исполненным воли и способным владеть собой.

Последним движением души она решила уничтожить самые глубинные, простые элементы, составляющие ее суть. У всякого Интеллекта были для этого средства. Ее существо в одно мгновение превратилось в ничто, заполненное осиротевшими, немymi подпрограммами. Отон сжал в кулаках пустоту. И в глубинах космической станции, в тайной стыковочной зоне, Корабль, что был Камиллой, начал остывать.

* * *

Плавтина – с помощью уникального, головокружительного усилия восприятия, почти невыносимого из-за своего масштаба, пролетела над всем Урбсом – от шпилей, алеющих под солнцем, до темных катакомб, где раса механических рабов предавалась собственным солипсизмам. Она слышала бессмысленное бурчание старого Гальбы и извращенные постанывания Марциана. Она видела, как Отон отдается Камилле, и из этого видения вылетела в ярости, вышедшей за грани разумного, – такой, что ей стало стыдно за себя. Она видела и преторианцев, марширующих к огромному перевернутому храму. Атик и Лено разделили с ней это видение. Она жестом заставила их молчать. Самого интересного она не увидела. Почему Виний решил приговорить ее к смерти? Что именно узнала та Плавтина? Что собиралась сделать? Для какой миссии ее создали? Ей придется забраться во времени еще глубже и вернуться в момент собственного рождения, чтобы все понять. В волнении она снова задействовала устрашающую вычислительную мощь, рассеянную в толпе, – единственную силу, способную заставить фармакон заговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.